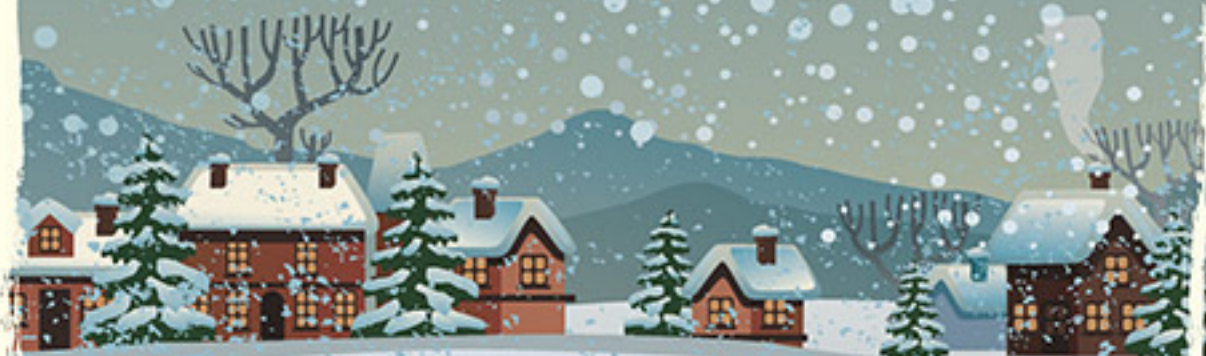

СИМОНА ВИЛАР
СВЕТЛАНА ТАЛАН
НАТАЛЬЯ КОСТИНА

НОВОГОДНИЕ ИСТОРИИ

ЛЮБОВЬ ПРИХОДИТ К ТЕМ,
КТО ВЕРИТ В ЧУДЕСА

Симона Вилар

Новогодние истории

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2018

УДК 821.161.1(477)

Вилар С.

Новогодние истории / С. Вилар — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018

ISBN 978-6-17-125972-0

Ничто так не согревает холодными вечерами, как объятия любимого человека. Но что делать, если в новогоднюю ночь ты остался один? Вероника решила отправиться к подругам, но застряла на дороге. И встретила Новый год с симпатичным таксистом... Дед Мороз Анатолий, перепутавший квартиры, попал в гости к девушке Ане. Ему кажется, что они знакомы сто лет. Быть может, это судьба? В новогоднюю ночь любовь можно случайно встретить в очереди в супермаркете, или в пустом парке, или в поезде. Главное – верить в чудо, и оно обязательно случится!

УДК 821.161.1(477)

ISBN 978-6-17-125972-0

© Вилар С., 2018
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2018

Содержание

Симона Вилар	6
Наталья Костина	20
Светлана Талан	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Симона Вилар, Светлана Талан,
Наталья Костина, Елена Печорная,
Лиля Подгайская, Марина Раевская,
Таня Винк, Галина Матвеева**
Новогодние истории
Сборник

© freepik.com, 2018, обложка, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке,
2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное
оформление, 2018

Симона Вилар

Домовенок

Домовенок хотел стать человеком.

Обычно нелюди о таком не помышляют. Зачем? Ведь живут они куда дольше простых смертных, без проблем и страхов, без кипения чувств и страстей – так, как и полагается проводить свой долгий век бездушной нежити. Люди же проживают свой короткий век в трудах и заботах, бурно радуются и мучительно переживают, к чему-то стремятся, чего-то добиваются. Суетно как-то. Поэтому всякой нечисти эти имеющие душу смертные представляются существами неумными, сжигающими самих себя. Однако наблюдать за людьми, ведущими совсем иное существование, духам и иной твари интересно – это их развлекает, вносит в их долгое бесстрастное бытие некую остроту и яркость. Но чтобы кто-то захотел стать человеком... смертным... и исчезнуть так скоро... Даже представить страшно!

И все же Домовенок хотел хоть немного побыть человеком.

Он и сам не мог припомнить, когда у него появилось это желание. Он вообще не очень-то понимал, что значит «давно» и чем оно отличается от «сейчас». Просто с некоторых пор понял – никогда ему не стать настоящим домовым. Ибо у домового должен быть дом, чтобы считать себя полноправным духом. У Домовенка же с этим все время не ладилось. И в нем поселился страх. Вот, наверное, тогда и возникло это желание – стать не просто духом, а немного пожить по-настоящему. Иначе вообще исчезнешь, так и не поняв, существовал ли ты когда-нибудь.

А ведь как хорошо все начиналось! Пришли люди и поставили на отроге Щекавицы небольшую избушку. Не в самом огороженном частоколом граде на высотах Киева, не на Подоле у Днепра, а именно на хребте горы Щекавица, где пришлым чужакам было дозволено селиться. Вот пришлые и соорудили бревенчатый сруб, сверху кровлю настелили, рядом пристроили небольшую клетушку для инвентаря и десятка кур-несушек. А потом самое главное – принесли в горшке горячих углей, взятых у кого-то из уже живших в округе полян. И как запылал в очаге нового дома свой огонь – Домовенок и появился.

Домовой обычно растет вместе с домом, но никогда не суется на глаза хозяевам. Правда, может показаться хозяйским детям, когда те еще совсем малы, – это духи любят. Нравится им попугать глупых маленьких человечков, нагнать на них страху. Зайдется вдруг ни с того ни с сего плачем дитенок, взрослые всполошатся, носятся с глуздырем, укачивают, а домовому веселье. Наблюдает, подхихикивает из подпола. И знает, что младенец ничего объяснить не может. Самих хозяев домовой побаивается, и если пакостничает, то только исподтишка. Однако рачительные хозяева, зная, как умаслить домашнего духа, крынку с молоком на ночь оставляют у дверей. Для домового ничего слаще этого нет. Тогда он даже по хозяйству берется помогать – уголек там выпавший из очага затушит, пробравшихся в закрома мышей отпугнет, пыль сдует с притолоки.

Но в недавно построенном у Щекавицы доме Домовенок был еще мал, поэтому просто сидел под порогом, вздыхал да прислушивался, о чем хозяева толкуют. Ведь любопытно же, что там у них происходит! И узнал он, что мужчина и женщина, поставившие избу на отроге горы, были людьми пришлыми, приплывшими по Днепру в Киев из далекого северного Новгорода. А покинули они свою землю потому, что в том далеком Новгороде появился новый правитель, иноземец Рюрик, но против него начались возмущения, вот нынешний хозяин Домовенка и пристал к некоему воеводе, прозывавшемуся Вадим Храбрый. Вскоре отряды Вадима были разбиты Рюриком, и многие из тех, кто стоял за ним, съехали, отправившись искать счастья на чужбине. Вот и хозяева Домовенка, молодые супруги с малым дитем, тоже были из таких.

Домовенок слышал, как хозяин говорил жене:

– Не грусти, родная. Хороший плотник нигде не пропадет, а новгородские плотники и в Киеве слынут лучшими умельцами. Так что будет у нас работа, обустроимся не хуже, чем в Новгороде.

Что хозяин Домовенка был и впрямь умелец, дух дома понял быстро. Он и крылечко возвел со ступеньками, и столбики фигурные вытесал, навес шатровый сколотил, кровлю украсил резным коньком. Нравилось Домовенку по ночам взбираться на этого конька, сидеть на нем, свесив мохнатые лапки. Был собой Домовенок весь такой серый да лохматый, глаза-бусинки из-под косм еле проблескивают, но знал, что со временем станет он походить ликом на своего хозяина, – так уж заведено у домовых, если долго живут с людьми.

И все вроде шло хорошо поначалу – хозяин работал, жена его хлопотала по хозяйству, второй ребенок у них со временем появился. Но потом приключилась беда.

Принесли хозяина какие-то люди, рассказали плачущей хозяйке, как мужа ее привалило бревном на строительстве терема на Горе Киевской. Обнадеживали – отлежится немного да и оклемается.

Однако не сложилось. Стал хиреть и болеть хозяин, кровью кашлять. А там и помер.

Домовенок сидел тихой тенью под крылечком, смотрел, как к хозяйке какие-то люди приходят, говорят слова утешительные, снедь всякую несут, чтобы продержалась. Ох и горевала хозяйка, детки ее пищали, плакали! Домовенку все это было страсть как любопытно. Но время шло, и стал Домовенок походить на эту женщину, потому как надо же духу домашнему на хозяев равняться. Не от детей же хозяйских обличье перенимать! Да и помер вскоре младшенький.

К вдовице же новгородца-плотника начали какие-то мужики похаживать да на ночь оставаться. Домовенок все ждал – вот какой-нибудь из них останется насовсем, начнет хозяйством заниматься, дом укреплять. Но опять не сложилось. А потом как-то собрала женщина пожитки в узелок, взяла старшенького своего за руку и, подперев дверь колом, ушла невесть куда. Домовенок ее ждал, вздыхал в тиши. А сколько ждал? Духи о времени понятия не имеют. Но затем начал он волноваться, оттого что сыро в избе, очаг простыл, с потолка капать начало. Плохо в пустом доме. Скучно. Да и без жильцов домовая вовсе сгинуть может.

Но однажды пришли в подзабытый домишко двое каких-то мужичков, поселились, стали хозяйствовать. Корзины плели, на рыбные ловы уходили. Домовенок повеселел с ними. Обличком то на одного, то на другого походил – какая ему разница на кого. Понял, что мужички – братья, да только догадываться стал, что хозяева они не больно рачительные. Крыша вон как текла, так и течет, краска на коньке облупилась. Но Домовенку все равно нравилось сидеть ночами на нем, смотреть на низину Подола, где всегда было шумно илюдно, можно было рассмотреть, как в Почайну заходят струги речные, сворачивают широкие паруса. Под отрогом Щекавицы протекал ручей Глубочица, и там порой толпы людей собирались: бабы стирали у мостков, мальчишки с удочками сидели, молодежь сбивалась в стайки, пели, шумели, гонялись друг за дружкой. Интересно люди жили, весело!

Но тогда Домовенок еще не подумывал человеком стать. Ему и с братьями не худо жилось, слушал, о чем они меж собой толкуют. Так он узнал, что князьями в Киеве стали Аскольд с Диром, суровые варяги, и что собираются они ходить в дальние походы. А позже старший из братьев заявил, что подумывает примкнуть к князьям следующей весной.

Как-то пришел он в дом в воинском облачении – копытный доспех, на голове клепаный островерхий шлем, копье длинное, круглый щит за плечом. Младший на него смотрел с грустью, говорил, что боязно ему за брата, что рискованное дело тот задумал. Но старший настоял. И ушел.

Больше Домовенок о нем ничего не слышал. А младший из братьев со временем грустить стал, одиноко жил, ни с кем не общался. Да и дом совсем запустил. Годы шли, Домовенок на него все больше ликом походить стал – такой же унылый и молчаливый сделался.

Даже на коньке посиживать разлюбил. Только когда в Киеве случались большие празднества, немного оживлялся. Знал, что внизу, у Почайны, где располагалось капище Велеса, творят большие жертвоприношения, и тогда казалось, что сам Велес незримо везде присутствует. От этого Домовенку хорошо становилось. Совсем не так, как бывало, когда Перуна на Горе Киевской чествовали, когда грозы шумели и сам Перун проносился по небу на своем ветряном коне. Ох, как же боялся Домовенок Перуна! Громовержец нежить не любит, может и молнию метнуть. Прятаться тогда надо!

Хозяин Домовенка на празднества обычно не ходил. Домовенок же узнал как-то от ночного блазня, что хозяина его никто не любит, оттого и бирюком его зовут. Говорят, что до того, как старший брат его погиб в походе князя Аскольда на Царьград, он еще как-то общался с окрестными жителями, а ныне совсем одичал. Но домашнему духу надо держаться за того, кто в доме хозяин. Пусть тот и скверно хозяйствовал – куры у него дохли, коза молока мало давала, да и не любил Домовенок эту козу желтоглазую. Вот завел бы его хозяин корову или овец – еще куда ни шло. Тогда бы с ними и дворовой поселился, было бы с кем поболтать по ночам. А так живет Домовенок с бирюком-хозяином, стареет вместе с ним. Но кое-как живет.

Хуже стало, когда однажды по сырой поре слег его хозяин, кашлял и хрипел несколько дней, а потом и вовсе затих. Со временем и запашок дурной от него пошел. Но Домовенку-то что? Он теперь ждал, когда еще кто придет.

Уже и солнце припекать начало, когда пришли к избенке какие-то бабы, заглянули за разбухшую от весенней влаги дверь – и с визгом прочь. Потом волхвы явились, привели рабов в рубище, приказали похоронить полуразложившегося мертвеца. После чадили в доме густым дымом, изгоняли дух усопшего. А меж собой говорили – мол, худо, когда люди покидают роды семейные и вот так живут и умирают в одиночестве, никому не нужные. Да и дом этот плохой, может, и вовсе спалить его?

Ох, как же испугался тогда Домовенок! Для духа домашнего потерять дом – хуже некуда. Он для долгого существования из огня домашнего появился, но если дом сжечь, не станет ни дома, ни домового.

Но волхвы, похоже, передумали. Теперь, сказал один, при новом князе Олеге, много народа стало в Киев стекаться. Олег тот – правитель удачливый, вот под его руку и потянулись люди в Киев-град, селятся по всей округе. А потому дом на хребте Щекавицы трогать не стоит. Мало ли кто еще тут приживется.

Домовенок тоже на это надеялся и ждал нового хозяина. Без людей-то скучно. Да и плошку с молоком никто у порога не поставит, не побалуует. Хозяин-бирюк уж на что не хозяйственный был, и то нет-нет, а ставил. А как издохла эта коза... Совсем грустно было домашнему духу без хозяина. Только и слушал, о чем иные природные духи переговариваются. То ветер свистнет, застучит покосившимся ставнем, то травяники зашепчутся в разросшейся у плетня крапиве, а то и волколак какой забредет в промозглую зимнюю ночь, завоюет на луну, пугая окрестных жителей.

Домовенок без хозяина совсем маленький стал, почти прозрачный, безликий и едва различимый. Вот тогда он и загоревал, жалея, что однажды может просто истаять, будто и не было его. Вон люди – те живут пусть кратко, но полной жизнью. И он впервые подумал, что готов стать хоть на краткий миг человеком, побродить по свету, спуститься к водам ручья Глубочицы, пощупать, какая она. Сам удивился, что о таком мечтает.

А потом – о радость! – вновь поселились в избушке люди. Старичок со старухой, у которых внучка была славница. И опять хорошо зажилось Домовенку. По вечерам, как и прежде, слушал, о чем люди бают. Интересно-то как! А они говорили, будто большая свадьба на Горе Киевской была, князь Олег своему воспитаннику Игорю привез из далекой Псковской земли невесту, Ольгой нареченную. Хозяйская внучка-славница даже ходила на то великое ликование поглядеть, поздно вернулась, да еще и с парнем пришла; целовалась с ним за плетнем, пока

дед не заметил. Выскочил он с хворостиной и давай ухажера внучкиного обхаживать. Девушка же кричала, обижалась. Но и ей хворостиной перепало. Домовенок вдосталь насмеялся. Весело все же с людьми, есть на что поглядеть.

Но такая жизнь длилась недолго. Внучку хозяйскую вскоре просватали, она ушла, а старики остались. Тихо жили, зато как радовались, когда внучка замужняя их навещала! Да только век людской короток, умерли оба – сперва старушка, за ней и старик. А внучка с тех пор больше не приходила. Вновь опустел домишко на отроге горы.

Дожди шли, проникая под недавно чиненную кровлю, снегом избушку засыпало. По весне глинистый склон стал оплывать, домишко совсем покосился, никто там селиться не хотел. Домовенок грустил, мяукал темными ночами, как кот, – может, хоть кошка какая придет на голос, будет на кого посмотреть. Кошки и впрямь порой забирались в пустующее строение, одна даже котятку вывела. Детишки как-то забрели, играли с котятами. Домовенок думал, что, может, хоть детки поселятся тут. Но тех матери кликали – и опять пусто. А котята выросли и разбежались.

Домовенок теперь даже случайным гостям радовался. Останавливались на ночлег какие-то калики перехожие, спали на пыльных половицах, жевали хлебушко да беседовали. Домовенку и их послушать было интересно. Так он узнал, что князь Олег ходил походом в далекие края, да удачно, витязи его обогатились, терема высокие по всему Киеву ставят. «Терема...» – вздыхал Домовенок. Вот бы где домовым стать! Но ведь не переберешься со своего места. Это только люди идут, куда захотят. Он же сидит тут сиднем, все меньше становится. Даже пришлые калики его не замечают. Хотел он подобраться к ним поближе, так смахнули портянкой, как пыль, даже не заметив. А потом ушли. И Домовенок опять подумал, что человеком быть хорошо. И эта мысль уже не показалась ему странной.

Потом в его домишке начала собираться на посиделки окрестная детвора. Пекли репу на камнях очага, ели ее, присолив, орешки щелкали, болтали о всяком. Из их рассказов Домовенок и узнал, что князю Олегу волхвы будто бы предрекли умереть от коня его и князь, чтобы не случилось беды, услад своего длинногривого любимца. Но вскоре конь тот помер, а Олег, прознав об этом, сперва закручинился, а потом стал зло насмехаться над волхвами – мол, лжецы. И пошел посмотреть на кости павшего скакуна, да ступил ногой на его череп – а оттуда змея! Укусила князя, он и помер. Мальчишки ахали, волновались, жутко им было. Говорили, что волхвов слушать надо, что они мудрее тех христиан, что селятся на Подоле и рассказывают о своем Иисусе Христе, которого никто тут, в Киеве, не видел, и еще неизвестно, стоит ли в него верить.

Домовенок тогда сильно разволновался, страшно ему сделалось. Может, потому, что понимал – и эти уйдут, оставят его зыбкой тенью, которая однажды исчезнет. А может, просто неуютно ему сделалось от вестей про этого Иисуса. Раньше ведь о нем никто не говорил, не упоминал – ни бывшие хозяева, ни путники, ни сквозняки, что вечно что-то лопочут под стрехой. Даже сороки, разносящие вести, не пробалтывались. Теперь же – Иисус... И такой страх вдруг нашел на Домовенка, что захотелось ему уйти хоть куда-нибудь. Да как уйдешь? Он дух дома, его место здесь. И Домовенок остался в своей ветшающей избушке.

Как и прежде, если кто-то заходил в дом хоть ненадолго, он подрастал и надеялся, что нечаянный гость останется. Однажды парочка полюбовников повадилась приходить, чуть стемнеет: бросали на половицы мягкие овчины, любили страстно, стонали, дышали бурно, вскрикивали – ох, как же Домовенку было любопытно за ними наблюдать! Но еще до первых петухов полюбовники уходили. А потом женщина одна пришла: ждала, ждала своего милого, плакать начала. Да так горько! Но Домовенку от ее горя еще интереснее сделалось. До чего же бурно и необычно люди себя ведут! Вечно у них что-то происходит.

Женщина эта еще не раз приходила, сидела, ждала. Когда она тихо сидела, Домовенку было забавно ее растормошить – то пыль ей на голову с балки стряхнет, то вздыхать в темноте

начнет, чтоб напугать. Женщина и впрямь разволновалась – поняла, что неладно тут, поспешила исправиться и стала Домовенку молочко у порога ставить. Ему это понравилось. Он даже стал на нее походить – бровки выгнулись дугой, ротик маленький, как малиновая ягодка, обозначился. И думал: ну, останься ты, щедрая, со мной – все пылинки по углам приберу для тебя!

Она и осталась. Повесила как-то веревку с петлей на балке-матице, влезла в нее и повисла, суча ногами. Долго так провисела – день, второй, третий. Когда Домовенку скучно сделалось, он стал подпрыгивать, дотягивался до ее босых ступней, раскачивал. Хоть какое-то развлечение.

Но другим это развлечением не показалось. Вошли как-то люди и такой шум подняли! Вынули удавленницу из петли, стали горевать по ней. А промеж себя опять заговорили: надо бы домишко этот несчастливый разрушить. Страшно было это слышать Домовенку. А куда денешься? Был бы он человеком, ушел бы прочь. Но понимал, что нежити смертным не бывать. А вдруг можно? Но как?

Домишко все же не тронули – уже хорошо. Зато стороной стали обходить. Но однажды заполз в него какой-то израненный человек, да не просто израненный – обгоревший сплошь, паленым от него так несло, что Домовенок даже расчихался. А обожженный и день лежал на полу, и второй, только стонал глухо.

Потом разыскали его княжеские гридни и безжалостно добили мечами. Домовенок, с интересом наблюдая за этим, слушал, о чем гридни говорили над трупом. Оказывается, был он древлянином поганым. Древляне же эти, жители лесов дремучих, прежде убили князя киевского Игоря, а теперь сватов к его вдове, княгине Ольге, засылают. Первых сватов Ольга велела живыми в землю закопать, а как второе посольство прибыло, в бане их сожгла. Да только этот древлянин каким-то чудом сумел вырваться из рухнувшей баньки и аж сюда, на Щекавицу, добрался. Наверняка ему кто-то из местных помог, рассуждали гридни. И это плохо, потому как, храни нас Перун, такой помощник может отправиться в чащи древлянские, дабы предупредить племя, что княгиня на них идет, чтобы жестоко отплатить за гибель мужа. Она даже ведьму Малфриду с собой позвала, чтобы та помогла ей чарами своими.

Вот тогда-то Домовенок впервые о Малфриде и услышал. Правда, его это не больно заинтересовало. А вот то, что гридни недолго думая закопали древлянина неподалеку от его избушки, Домовенка огорчило. Ибо стал тот выходить в безлунные ночи блеклым блазнем, как и всякий, кого погребли наспех, и пугать редких прохожих, отчего на отрог, где стояла избушка, теперь вообще никто не поднимался.

Совсем загрустил Домовенок. Но нет худа без добра. Когда пришла зима, начали в это безлюдное место захаживать лихие головники. Ножи точили у тускло горевшей лучины, веревки сучили да вели разговоры: мол, за Щекавицей в Дорогожичи ведет неохраняемая дорога и можно там засаду устроить.

Домовенок следил за ними, а когда они уходили – ждал. Головники иной раз возвращались довольные, прятали что-то в подпол, оттирались снегом от крови. А порой прибегали напуганные. Причем не блазня они опасались – тот порой льнул к окошку, – а тревожились, что стражи градские их выследят. Но обошлось. По весне один из них даже вроде как поселился в доме – на радость Домовенку. Хозяйствовать особо не хозяйствовал, больше награбленное стерег, а для отвода глаз горшки лепил. Прикатит тачку глины из урочища Гончаров и сидит себе за гончарным кругом. На вопросы людей, почему дурного места не боится, отвечает, что он христианин, а таких нечисть не трогает. И крестится при этом. Домовенок даже знак его пытался повторить, но лапа почему-то не слушалась, дрожать начинала и холодеть.

Зато хорошо было узнавать от изредка навешавших гончара-разбойника сотоварищей, что в мире делается. Они все больше про княгиню Ольгу говорили, о ее мести древлянам, о том, как княгиня жгла города враждебного племени. И, опять же, Малфриду поминали. Интересно было Домовенку слушать и о ведьме, и о княжиче Святославе. Вон сколько имен у людей,

думал он, сколько забот и деяний! Но потом как-то пришли темной ночью головники, выкопали награбленное и отправились невесть куда. И все, опять скучно стало.

Домовенок тосковал. Люди проходили мимо, голоса их он различал, надеялся, что кто-то прибьется, но не дождался. Даже блазень однажды исчез, когда зашедшие на отрог волхвы посыпали солью его могилу, чтобы окрестные жители не пугались бесплотного духа. Домовенок думал, что теперь-то, когда страх у смертных пройдет, кто-то обязательно у него под боком обоснуется. Однако народ все больше обживался на горе Щекавице, а отроги ее никого не привлекали. Ну а вокруг жизнь бурлила: то всадники проскачут по тропе на Щекавицу, то волы тащат волокуши с бревнами – строятся наверху люди. После того как княгиня Ольга уладила древлян и занялась делами государственными, в Киеве людно стало, богато, пришлые всякие наезжали, торговали, обживались, но покосившаяся избушка все равно никого не привлекала. Лишь однажды собрались в ней ведьмы и колдуны, направлявшиеся на свой шабаш. Веселые были, добрые. Домовенок даже осмелился им показаться. Ведь те, кто чарами владеет, пусть и страшны для домового, но не враги же. И Домовенок стал просить их совершить колдовство и человеком его сделать, чтобы ушел он куда-нибудь из одинокого своего жилья.

Но чародеи его на смех подняли. Лишь один ведьмак все же удостоил ответом:

– Чтобы сущность нежити поменять, нужно великим волшебством владеть, – сказал он, перебирая пряди длинной бороды. – Такой силой одна Малфрида, чародейка княгини Ольги, наделена, больше никто.

– А где же эта Малфрида? – полюбопытствовал Домовенок.

Ведьмак пожал плечами:

– Кто ж ее знает? С тех пор как княгиня от услуг чародеев и волхвов отказалась, Малфриду в Киеве давно не видели.

Но Домовенок о могучей чародейке Малфриде уже не мог забыть. Спрашивал о ней и у присыпуш, что порой раскачивались на остатках покосившегося плетня, и у злыдней недобрых, которые ползали по бревнам обветшавшего сруба и грызли их мелкими острыми зубами.

Злыдни теперь всегда тут вертелись. Им ведь нравится все, что разрушается, что осталось без ухода. И хоть Домовенок едва их терпел, но все же поведал, зачем ему Малфрида понадобилась: хочет просить изменить его, человеком смертным сделать. Услышав это, злыдни переполошились.

– Дурной дух, ох и дурной, – стали они пятиться от Домовенка, скалясь темными дырами ртов. – Человеком хочешь стать... Душу тревожную получить... Да этого ни одна нечисть вынести не в силах!

Почему не в силах? Домовенок не понимал. Зато ведал, что недолго ему еще жить среди злыдней и нищеты. Рухнет однажды его избенка – и не станет домового. Будто и не было никогда.

Между тем и другие духи в Киеве заволновались. Поговаривали, что после того, как княгиня Ольга побывала в далеком Царьграде, стала она разрешать христианам свои церкви в Киеве возводить, а от этого любая нежить себя скверно чувствует, а кое-где и на нет сходит. Новая вера в единого Бога увлекает людей, они забывают капища старых богов, а то и молиться начинают, разгоняя темные силы. От этого даже домашние духи вроде овишников, банников и домовых сторонятся уверовавших, уже не вмешиваются в их жизнь; водяные не высовываются из болот, русалки в омуты никого не увлекают. Ох и тревожные же это были речи!

Нелюдям сильные чувства неведомы – нет у них сердца, нет души. Поэтому, когда разнеслась весть, что князь Святослав, сын Ольги-христианки, стал старую веру возвеличивать, дав тем самым надежду нежити, Домовенок не очень-то обрадовался. Пусть люди твердят, что князь Святослав стал великим воителем, в походах все время проводит и с великой прибылью его люди возвращаются. Что до этого Домовенку, если ни одного разбогатевшего воя его покосившийся домишко не интересуется? А был бы он человеком, пошел бы с князем в дальние

пределы, тоже добыл бы себе богатство и сам бы потом о покосившемся домишке на отроге Щекавицы позаботился, раз больше некому.

Но вскоре пришла в Киев такая беда, что даже маленький Домовенок загорелся любопытством. Ибо на град стольный напали лихие люди из степей – печенеги.

Когда известие об этом дошло до Домовенка, он, вспомнив прежде, вскарабкался на облупившегося резного конька на крыше и стал смотреть, какая суeta пошла вокруг – и на Подоле, и на путях от Щекавицы к Киевской Горе. Люди бежали куда-то, кричали, перегоняли скот, детей тащили, несли тюки с поклажей. Да и пришлых среди них было немало – со всей округи стремились люди схорониться за городнями и частоколами на Киевской Горе, передавая из уст в уста весть, что печенеги силой неисчислимой идут на Киев, все по пути жгут и разоряют. А князя Святослава с дружиной как раз не было, он ушел с воинством в дальний поход на болгар, и некому теперь защитить людей от набега. Домовенок все это слышал, но плохо понимал, что происходит. Таращился на спешащих мимо беженцев из-под свисавших на глаза-бусинки косм, думал о своем – вдруг кто-то к нему заглянет да укроется от страшных печенегов. А там и останется...

Куда там! За пару дней опустело все вокруг. А те, кто не успел... Даже Домовенку стало жутко, когда увидел, какая участь их ожидала. Налетели темные печенеги, как смерч, порубили тех стариков, кто не захотел дома свои оставить, а если женщину или калику перехожего хватили, издевались страшно. И сколько шума, гомона было вокруг! Орда пришла за передовыми конными воинами, чужаки бичами щелкали, гортанно выкрикивали, сгоняя скот, ржали лошади.

А потом Домовенок и вовсе пришел в ужас оттого, что степняки учинили на Подоле. Пожар! Всюду горело – дома и дворы, концы ремесленные и слободки окрестные, даже те из стругов, что остались у причалов, тоже были сожжены, как и сами причалы. Но если лодки и причалы Домовенку были ни к чему, то горящие избы сильно напугали его. Когда дом сторает – все духи домов и дворищ гибнут безвозвратно! И, глядя на дымы и пожарища на Подоле, Домовенок запищал тихонько и горестно...

На опустевшей Щекавице тоже хозяйничали жестокосердные печенеги. Треск от палимых изб стоял страшный, вокруг смердело дымом и гарью, ветром несло пепел, и Домовенок спрятался, чтобы ужасов этих не видеть.

А как-то раз один из степняков вошел в его избушку на отроге. Домовенок сперва обрадовался, видя, как незнакомец в мохнатой шапке, с тонкими вислыми усами, его жилище осматривает, будто поселиться надумал. Но потом понял все, заметив в руке печенега факел... Ой-ой-ой – сейчас и его избушку подпалят! Однако пришлый, видно, не счел нужным сжигать эту покосившуюся лачугу – ушел, не оглянувшись.

Печенеги надолго задержались под Киевом. Появились их обозы, кибитки, шатры, в которых следовали за войском жены и дети степняков. На Гору Киевскую печенеги рвались люто, но потом откатились и решили взять град измором. Каждое утро объезжали конники склоны, где за крепостными стенами горожане укрывались, стреляли на скаку в защитников, едва те на заборолках показывались. И метко стреляли! Впрочем, защитники Киева тоже не зря стрелы тратили. Склоны вокруг укреплений были усеяны телами мертвых печенегов, как битыми мухами. Поэтому степняки и решили поодаль держаться, ожидая, пока укрывшиеся от них русы не начнут голодать и не сдадутся сами.

Домовенку обо всем происходящем либо сороки, разносчицы вестей, сообщали, либо злыдни бродячие. Много злыдней теперь было в округе, веселили их беды, вот и любили позлорадствовать, глядя на то, сколько людей от набега этого разорилось, без крова осталось, а теперь еще и голодали на Горе.

Но однажды темной ночью Домовенок почувствовал, что некто посетил его избушку. Домовой дух, он ведь все, что в доме происходит, знает, в каком бы углу или подполе ни отси-

живался. Вот и учуял он, что на кровлю опустился кто-то необычный и могущественный, сильной магией наделенный. Домовенку страшно стало, но и любопытно. Забрался он по расползающимся, поросшим мхом доскам тесовой крыши на самый верх... и замер. Ибо на охлупне, где потрескавшийся конек выступал над крылечком, сидела огромная птица. В темную безлунную ночь она могла кому-то и орлом ширококрылым показаться, залетевшим с отдаленных круч, но только не домовому духу, который сразу узнал ночную гостью. Сирин это была, чудесная птица с телом орлицы, но ликом и головой прекрасной девы. Знает Сирин все на свете, ибо летает всюду, до самого Ирия небесного подняться может. И вести она разносит. Да только вести те обычно печальные, недобрые, потому что, в отличие от схожей с ней светлой птицы Гамаюн, у недоброй Сирин только печаль и беда могут вызвать отклик. Все знает она о горе, однако песни ее, пусть и прекрасные, исполнены такой печали, что даже камни могут расплакаться. И уж если прилетела она сюда, к Киеву, значит, пожелала наглядеться на беды человеческие – манят они ее, зачаровывают.

Домовенок, притаившись, смотрел на птицу Сирин неотрывно. Она же, крылья черные сложив, головой вращала, как сокол, и видела все вокруг, как только совы умеют. И когда оглядывалась, Домовенок, как всякая видящая во мраке нелюдь, отчетливо различал белое девичье лицо с печальными темными очами, волосы черные, переходящие в столь же черное оперение на плечах и крыльях.

В какой-то миг Сирин спросила негромким певучим голосом:

– Чего тебе надобно? Возвращайся в свою паутину, домовой!

– Не вернусь! – неожиданно для себя огрызнулся он. – Насиделся уже. Пусто в доме, не мило мне тут. Уйти хочу.

Сирин даже лицо белое склонила, брови ее изумленно выгнулись.

– Как это уйти? Ты не можешь. Ты не человек, чтобы ходить куда вздумается.

«Да что она понимает, вещая? – рассердился Домовенок. – Сама небось летает повсюду». И, не выдержав, признался:

– Плохо мне, что я не человек. Был бы человеком – ушел бы.

Заклекотало в горле Сирин, как у орла, а потом и легкий девичий смех послышался.

– Человеком захотел стать, нелюдь? О таком я еще не слыхивала. Забавно мне это.

Она снова засмеялась, потом засмотрелась на что-то внизу, словно забыв про домового духа. А он уже не мог молчать:

– Ты, птица Сирин, мудрая и могущественная. Преврати меня в человека!

– Не могу, – зевнув, отозвалась Сирин. – Такое под силу только могущественным чародеям.

– Знаю, знаю, – махнул лапкой Домовенок. – Мне даже имя называли одной такой чародейки. Малфридой кличут. Княгине Ольге она служит.

– Ольге? – всплеснула крыльями Сирин, словно улететь хотела, перья черные растопырились. – Даже называть не смей при мне эту отступницу киевскую!

Она прошла по бревну охлупня, переваливаясь и цепляясь за него когтистыми лапами. Казалось, еще миг – и взлетит Сирин, исчезнет. Но потом она опять поджала лапы и присела, опустив голову между высоких крыльев. И снова ее большое белое лицо нависло над распластавшимся на тесовой кровле Домовенком.

– Знай, предала нас Ольга! В нашем краю живет, но чужому Богу поклоняется, древний покон не уважает. А ныне, гляди, в беде оказалась, но помощь от Малфриды принять не пожелала. Ведьма-то ее сразу явилась, узнав про набег половецкий, обещала помочь... Не приняла ее княгиня. Сказала, что только ее Бог сможет помочь граду, что все в Его воле. Но я-то знаю, что княгиня больше надеется на тех гонцов, что отправила она к сыну своему Святославу еще до того, как печенегі град обложили. Вот и молится, чтобы успели они воителя-князя призвать на помощь. Ха! – скривила губы в усмешке Сирин, голову откинула, лапами орлиными

заскребла по ребру охлупня. – Забавно все это. Ибо знаю, что не успеет сюда Святослав до того, как печенег горящими стрелами укрепления града зажгут. А они готовятся, мне это ведомо... И как запыхает все вокруг, ворвутся степняки на Гору, порушат все да пограбят. И не смогут устоять оголодавшие киевляне. Но это хорошо. Будет и мне о чем песнь сложить.

Домовенку не было дела до того, что будет с защитниками Киева. А вот то, что Малфрида могущественная была где-то здесь, его взволновало. И стал он упрашивать Сирина помочь ему встретиться с чародейкой. Ведь говорили ему, что только Малфрида владеет умением превращать нелюдь в человека.

Сирин подняла крылья и опять опустила – словно девица руками всплеснула.

– Сам не знаешь, чего хочешь! Станешь человеком – долго не проживешь. Ибо нелюди трудно с человеческой душой ужиться. Тяжело это для нее, волнений слишком много, сердце не выдержит. Нужно ли тебе это?

– Я и без того долго не проживу, пропаду, когда избушка моя рухнет. Даже домовым настоящим побыть не случилось... А человеком мне давно пожить хочется. Помогите, вещь! – упрашивал Домовенок.

Чудо-птица уставилась на него темными немигающими глазами. А потом сказала:

– Печальной будет твоя история, но это-то мне и любо.

И, сказав это, взмахнула широкими крыльями и скрылась в ночи. Домовенок не знал, что и думать: послушает ли его Сирин? Исполнит ли просьбу?

Исполнила-таки. И солнце трижды не садилось, как заметил он среди глухой ночи, что по заросшей тропинке на отрог к его избушке поднимается женщина. Странная женщина – вроде и видит он ее, а вроде и нет. А уж печенег, через чей стан прошла она по пепелищу Подола, точно ее не заметили. Сторожевые вои на нее не глянули, степнячка, укачивавшая хворое дитя шатров, тоже не заметила, одни псы почуяли, лаем зашлись. Но кто этих пустобрехов послушает? Женщина же дошла до покосившегося плетня у избушки и уселась на склоне, обхватив колени. Теперь Домовенок смог рассмотреть ее широкую темно-алую накидку и длинный подол платья того же цвета. А еще – волосы, растрепавшиеся и пышные, как грива степной кобылицы. Когда женщина оглянулась, он увидел, что глаза ее горят желтым мерцающим отблеском, а узкий зрачок остро поглядывает на него.

Ведьма! Настоящая ведьма Малфрида, и она сразу его увидела!

Но далековато она все же от его дома уселась. До порушенного плетня добраться Домовенку непросто. А она сидит и смотрит, слова не говорит. А ну как встанет и уйдет?

И Домовенок решился – оттолкнулся от крыльца и побежал к ней через заросший крапивой двор. Размахивал лапками, чтобы быстрее двигаться, расталкивал маленьким телом стебли крапивы. И все мельче становился, как всякий домашний дух, что от дома отдаляется. Сейчас вот возьмет и исчезнет совсем...

Когда он уже не больше паучка стал, Малфрида его подхватила на ладонь и обратно к дому отнесла. У родного покосившегося крылечка Домовенок подрос немного, уже всю ладонь ведьмину занимал. Но легче ему стало, только когда она опустила его на треснувшую ступеньку.

– Гляди-ка, не побоялся так далеко отойти от своей лачужки, – чуть склонив набок голову, произнесла Малфрида. И, всматриваясь в него своими мерцающими желтыми глазами, добавила: – Значит, и впрямь не солгала Сирин, что нелюдь на все готов, чтоб человеком стать. Но ты хоть понимаешь, чем это для тебя может обернуться?

А он одно твердил – дескать, ничего так не желает, как человеком стать...

Слушала ли его Малфрида? Домовенок просил, хныкал, край ее накидки тербил. А она смотрела куда-то вдаль – туда, где во мраке тусклым свечением угадывался широкий Днепр, за которым темнели дальние земли Левобережья.

– Помочь я тебе смогу, – сказала наконец ведьма. – Но знай: долго тебе человеком не быть. Ибо с обликом людским получишь ты и сердце человеческое, и душу, полную тревог и волнений. Рожденному же духом бесплотным страсти человеческие вынести трудно... почти невозможно. Вот и надорвется сердечко. И не будет у тебя ничего впереди, и уйдешь ты в землю без следа.

Домовенок сжался весь, нахохлился, совсем на тень стал похож. Но потом встряхнулся.

– Пусть! Мне бы хоть немного пожить и узнать, как это – жить. Существовать мне давно разонравилось. Хочу узнать, как это – желать и стремиться!

– Ты и так уже переполнен желаниями, маленький дух покосившейся избушки, – улыбнулась Малфрида. – Вон как далеко от порожка родного отошел ради встречи со мной. Ну что ж...

Она умолкла, снова долго смотрела на противоположный берег Днепра. А потом сказала, что совершит над домовым чародейство доселе невиданное, однако с условием: он выполнит ее поручение.

– Ты пройдешь через стан печенегов на Подоле, – властно произнесла Малфрида. – В человеческом облике они тебя сразу заметят, но не тронут, если будешь делать все, как я велю. А потом подойдешь к реке и переплывешь на тот берег.

От страха Домовенок даже затрясся, но продолжал молча слушать. А говорила Малфрида странное: даст она ему умение хорошо плавать, и он сможет побороть быструю стремнину Днепра. Главное только, чтобы печенеги его не сгубили. А как выберется он из реки, пусть разыщет среди собравшегося за Днепром ополчения приятеля Малфриды, черниговского воеводу Претича. И скажет ему, что сама Малфрида послала его с известием о том, что княгиня Ольга, видя голод и слабость своих людей, готова сдать град печенегам. Если же Ольга решится на такое, князь Святослав никогда не простит Претичу, что так долго мешкал и не помог его матери и его стольному граду. Вот это и надо передать.

Ох, как же все это сложно! Однако мысль о том, что он станет человеком, да еще и посланцем, да еще и с важными вестями... Кто же такое не захочет испытать? Даже пожившему волнительно и жутко, а уж маленькому существу, которое только за другими подглядывало, и подавно. И Домовенок от радости запрыгал по крылечку перед покосившейся разбухшей дверью, лопоча слова благодарности.

Тут Малфрида заторопилась. Надо было успеть совершить заклинание, пока петухи не пропели. А как? Домовенок видел лишь, что Малфрида палец свой надрезала и заставила его каплю крови проглотить. Ох и противно же это было! Когда-то он молочко сладкое глотал, а тут... соленое, теплое... брр. Зато потом он как будто захмелел, голова кругом пошла, звездное небо над ним завертелось. И позабыл он обо всем, только боль была странная, непривычная. Бестелесный дух не знал, как это мучительно, когда кости распирают тело, когда мясо нарастает, горячее и тяжелое. Наверное, стонал, может, даже вскрикивал, да только не себя слышал, а монотонно бубнящий голос чародейки. Различал сквозь мутную пелену мерцание ее желтых глаз, видел длинные сверкающие клыки, странно потемневшее лицо...

Но сильнее всего была все-таки боль в новом теле. Потом она прошла. Домовенок понял, что лежит, перекинувшись через порожек, и так неудобно ему было, так жестко спине. Да, теперь у него была спина. И руки были. А еще волосы, падавшие на глаза. Они мешали, как никогда прежде не мешали его собственные свисающие космы. Но оказалось, что их можно убрать руками. А еще он ощущал непривычное тепло в груди и слышал, как взволнованно стучит сердце...

– Я человек уже? – спросил он. И охнул, сообразив, что это именно ему принадлежит ломающийся мальчишеский голос.

Малфрида улыбнулась, провела ладонью по его щеке, и Домовенок вздрогнул – никогда прежде ему не приходилось ощущать чьего-либо прикосновения. Оказывается, это приятно.

– Ты уже отрок юный, мальчишка-раб с виду, – произнесла она. – И даже ладненький. Но только воли, какая у людей бывает, у тебя нет. И делать ты будешь все, как я тебе повелю.

Это Домовенок и сам понял. Он ничего не знал, он как будто только что родился, и кому же ему было верить, если не той, что создала его?

Малфрида снова повторила свой наказ, со всеми подробностями. Сама она была вскоченная после заклинаний, строгая, но клыки ее больше не пугали Домовенка, он во все уши слушал, что она приказывает. И при этом то потягивался, то подпрыгивал, пробуя новое тело. Тяжело быть в теле, каждую клеточку ощущаешь, но и радуешься силе неожиданной. В какой-то миг Малфрида ущипнула его за предплечье, чтоб уgomонился. Больно ущипнула, Домовенок даже ойкнул, присмирел и стал еще внимательнее.

Да, он сделает все как приказано. А страшно ли? Он не знал. В нем жило лихое мальчишеское любопытство, подкрепленное неожиданно острым желанием испытать себя. К тому же его вела воля ведьмы, он был ей во всем послушен. Вот и взял у нее из рук уздечку ремennую и пошел в стан печенегов.

Вокруг было столько запахов, столько теней! Река Днепр уже не казалась далекой, как небо, и он постепенно приближался к ней, пока ее не стали заслонять стволы тополей, а потом множество кибиток и шатров печенежских. Глянув в сторону, Домовенок увидел Боричев взвоз, по которому, как он знал, на Гору Киевскую обычно поднимались телеги и волокуши с поклажей. Раньше он только слышал о нем, а со своего места в избушке не видел.

Но озираться и рассматривать было некогда. Ибо вскоре он узнал, что такое настоящий страх, когда его схватил за плечо один из степняков и стал грубо трясти. Домовенок сжался и только повторял те слова, каким Малфрида его обучила:

– Атэ нирдэ?

Он знал, что спрашивает на языке степняков, где его конь. Хозяйский то есть конь, потому что сам он был в лохмотьях и выдавал себя за раба, прислуживающего печенегам. Они и приняли его за раба, опять трясли и дергали, а он хныкал и все повторял, что, мол, потерял хозяйскую лошадь.

Его отпустили, вернее, прогнали пинком. Но потом еще дважды останавливали, и опять повторялось то же. Последний раз его так пнули, что он кубарем полетел на грудy зoлы, слыша недобрый смех за собой. Ох и трудно же быть человеком! Ну да ведь его предупреждали...

И все же было интересно. Особенно когда к воде пробрался. Вот она какая, вода... Мокрая, как дождь, но раздающаяся, когда в нееходишь. Домовенок скинул рубаху, шагнул на глубину. У него был наказ ведьмы, и он лег на воду и поплыл. Малфрида сказала, что он будет уметь плавать; его тело и впрямь знало, что и как, хотя вскоре он понял, что плыть не так-то легко. А тут еще позади шум послышался. Домовенок на миг замер, оглянулся и увидел, что печенеги заматались у воды, стали стрелы пускать. Мальчишка-оборотень нырнул, ушел от стрел под воду и долго плыл во влажной темноте, пока не понял, что вот-вот задохнется. И заработал ногами, поднимаясь на поверхность. Втянул в себя воздух – сладкий! И опять были мысли путанные... ох, трудно... ох, тяжело... ох, страшно... И как же здорово!

Его сносило течением, руки устали. Но оказалось, что если лечь на спину, глядеть на звезды и работать ногами, то можно отдышаться. Где-то вдали вопили печенеги, плескалась над ухом волна, разрывалась грудь от бешеного стука сердца. Вот оно какое – сердце!

Река казалась нескончаемой. Домовенок так устал, что просто греб, ни о чем не думая. И даже не заметил, как от берега к нему подплыла длинная черная лодка-долбленка, чьи-то руки протянулись, схватили его за плечи и перетаскили через борт.

Уже на берегу его обступили, загомонили, выпрашивая, кто он и откуда. Он все еще задыхался. Слова вымолвить не мог.

– Да дайте отдышаться парнишке, – властно произнес кто-то.

Оставили в покое, даже набросили на голые худенькие плечи овчину, чтобы согрелся. Летняя ночь хоть и теплая, но после того, как он столько пробыл в воде, зуб на зуб у Домовенка не попадал, он трясся весь. А потом ему дали испить медовухи. Вкусная! Слаще молочка!

– Я из Киева, – сказал он наконец, стараясь ничего не перепутать. – Меня послали к воеводе Претичу.

– Ишь ты, сразу к Претичу! А сам-то чей будешь?

– Из Киева я пробрался. Надо мне воеводу Претича отыскать. С ним говорить велено.

И подумал – все ли верно сказал?

Похоже, что так. Ибо все вокруг притихли, а к Домовенку подошел крепкий, облаченный в кольчугу витязь. Чуть тронутые сединой кудри из-под высокого островерхого шлема выбиваются, пышная борода почти скрывает золоченую гривну – знак высокого положения.

– Говори, отрок. Я и есть Претич.

Голос Малфриды словно шептал в голове Домовенка, и он стал повторять за ним: дескать, велено передать, что если уже завтра они не окажут помощь Киеву, то люди сдадутся печенегам.

– Как это сдадутся? – загомонили вокруг. – Совсем, что ли, ополоумели – под печенега идти!

– Да голодно в городе. Воды мало, пищи совсем не осталось.

Претич потер лоб, сдвинув на затылок шлем.

– Я ведь знаю, что ведьма Малфрида к княгине отправилась. Помочь хотела. Неужто не помогла?

– Княгиня от ее помощи отказалась, – важно отозвался Домовенок. Не забыл еще того, что от Сирина слышал. Да и Малфрида будто нашептывала то же.

– Ну, это уж глупость, – развел руками Претич. – Но до чего ж упряма княгиня!

А Домовенок все повторял:

– Ждут вас, на помощь надеются. Иначе сдадутся на милость печенегов.

– Да какая ж милость от копченых! – шумели вокруг. – Лучше уж с голоду...

– Это нам тут сподручно судить-рядить, что лучше, а что нет, – рыкнул на сотоварищей Претич. – Но одно знаю: если не поможем княгине, погубит нас Святослав. Не простит.

Настала тишина. Домовенок сидел на песке и смотрел на воев, удивляясь, отчего все такие понурые. Ведь руки-ноги имеют, речи говорят, строят планы, могут пойти на помощь Киеву, могут не пойти. Люди, одним словом.

Ополченцы Претича все еще спорили. Говорили, что вольно же Ольге приказывать, она-то хоть правительница и мудрая, но не воевода, потому и не понимает, что их тут всего пять сотен и с ордой им не совладать. Да и кто они сами, ополченцы, – еще вчера пахали, ковали, сукно валяли и лишь по нужде взялись за косы да рогатины. Как отогнать от града степняков, которые всю жизнь провели в набегах? Враз сметут их. А лучших воинов князь с собой в Болгарию увел. За чужими землями Святослав пошел, а тут, на Руси, вон что творится. Но если придет и узнает, что они за Днепром отсиживались, и впрямь не помилует.

– А что, совсем худо во граде? – вновь обратился к Домовенку Претич.

Домовенок не знал. Потому и повторил: не помогут они Киеву – сдаст его княгиня. При чем сказал это странно тихим голосом, словно громко говорить уже сил не хватало.

– Ладно, ступай, отрок, – положив теплую ладонь на его плечо, сказал воевода. – Ты и так великое дело сделал – из Киева смог сквозь печенежский стан прокрасться да реку вон какую переплыть. На это небось немало силенок надобно. Так что спасибо тебе от всех нас и низкий поклон. А теперь... Эй, проводите хлопца, пусть отдохнет после трудов.

Домовенок поднял голову. Никто и никогда не выказывал такой заботы о нем. И ему вдруг так хорошо сделалось! Хотел сказать: мол, и я с вами. Но сил совсем не осталось. И, когда

его стали увлекать в сторону, пошел послушно, спотыкаясь и проваливаясь в сон. А сердце стучало тихо-тихо... Все слабее и слабее...

Утром, ближе к рассвету, когда густой туман еще клубился над рекой, от левобережья к Киеву двинулись лодки, полные облаченных кто во что ополченцев. Претич стоял на первой из долбленок, оглядывался на своих. Лодок-то у набранных им в последние дни людей было достаточно, насобирали в окрестных рыбацких селениях. И в каждой сидели его люди, гомонили, в рога дудели, оружием колотили по щитам. Шумели сильно.

Печенеги на берегу всполошились, стали собираться, гадая, что творится. Не понравилось им это. А тут еще на заборорах Киева загудели трубы, забили тулумбасы, слышались крики радостные: «Святослав! Святослав наш идет!»

При одном известии, что страшный воитель Святослав, лихой степной пардус, на подходе к Киеву, в стане печенегов началась паника. Имели они суеверный страх перед русским князем, который никогда не проигрывал и никого не щадил... Так что и часа не прошло, как печенеги с шумом, криками и скрипом колес откатились от Киева, ушли за холмы... А когда рассвело окончательно, стали понемногу соображать. И послали нескольких всадников разведать, что же происходит.

Но этого часа оказалось достаточно, чтобы княгиня Ольга с сыновьями Святослава уже вышла из города и ее усадили в одну из долбленок. Народ киевский тоже толпился у воды, спешили с ведрами и коромыслами, ибо от Претича уже узнали, что нет поблизости Святослава с воинством, что ошиблись они... Так ведь и печенеги ошиблись.

Когда показалась группа печенежских всадников, люди побежали обратно в город. Только Претич еще оставался на берегу с несколькими воинами ополчения, прикрывая отход горожан. Они-то и заградили путь печенегам.

Но те не торопились нападать. Один молоденький хан выехал вперед, остановил коня перед Претичем.

– Кто вы такие и откуда? – спросил на ломаном языке русов.

– Мы с той стороны Днепра, – ответил воевода, не опуская направленного на печенега копья. Казалось, еще миг – и метнет.

Но молодой хан не испугался. Рассматривал Претича, оценивал добротность его кольчуги, крепкую статью, видел и золотую гривну с подвесками на груди.

– А ты не сам князь ли? – спросил он.

– Я его воевода. Пришел с княжескими передовыми отрядами, – отозвался Претич. – А князь уже скоро тут будет с превеликой силою.

Хан задумался, потом отъехал к своим спутникам, к шаманам, увешанным амулетами. Те что-то негромко лопотали, лица их были сумрачными, голоса тревожными.

Претич стоял не двигаясь. Он знал, что лодка с Ольгой и княжичами уже достаточно далеко, а самому ему если что и угрожает, то дешево он жизнь не отдаст. И чести его урона не будет, если падет, защищая правительницу Руси.

Но хан, возвратившись, лишь сказал:

– Будь другом мне, храбрый батыр. И князю своему передай, что мы не хотим с ним враждовать.

– Добро, буду, – опустив копье, кивнул Претич.

После этого печенег спешил и передал воеводе узду своего коня, а также, в знак мирных намерений, передал свой лук и стрелы. Ну и Претич не оплошал: копье-то он при себе оставил, но меч свой, щит и кольчугу передал хану. Это была мирная сделка, так что можно было на что-то надеяться... если, конечно, печенеги не опомнятся и не вернуться, сообразив, что их обманули.

Степняки и впрямь довольно скоро поняли, что поспешили отступить. Так и не появилась перед Киевом княжеская рать... «Ну а вдруг все же появится?» – рассуждали они. Потому и не

уходили далеко, стали за городом, там, где речка Лыбидь протекает. Киевляне теперь могли за водой к Днепру ходить, а то и рыбачить понемногу. И никто не знал, как дальше все повернется.

А потом и впрямь появился князь Святослав. Примчался, как тот пардус, с которым его часто сравнивали. И был он так же, как и этот зверь, лют и свиреп. По его наказу конница стремительно налетела на стан печенегов, те бросились наутек – но кто ж уйдет от пардуса? Потому и полегло их немало. И долго потом белели печенежские кости в травах вокруг Киева, а воды Днепра поглощали тела степняков на корм водяному. Палатки же их, кони и скот стали возмещением для тех, чьи дома сгорели на Подоле и в окрестных урочищах.

Святослав въехал в Киев под ликующие крики. Однако бывало и так, что люди говорили ему в лицо:

– Ты, княже, чужой земли ищешь и о ней заботишься, а свою пренебрегаешь. Едва не взяли нас печенеги, и мать твою, и детей твоих. А был бы ты тут, а не в пределах дальних, не осмелились бы копченые дойти до самого Киева, матери городов русских!

Святослав надменно смотрел и молчал. Не велика честь князю на попреки кожевников и гончаров отвечать!

А вот кто был встречен в Киеве как настоящий герой, так это Претич. Даже к князю не было у киевлян такого расположения, как к этому воеводе черниговскому.

Как-то на большом пиру в честь отражения врага Ольга и Святослав стали расспрашивать Претича, как вышло, что он так вовремя подошел с подмогой и отпугнул супостатов от града.

– Да отрок один из Киева к нам добрался и сообщил, в какой вы беде.

– Надо же, сумел-таки кто-то пробиться! – восхитилась Ольга. – Уж мы столько лазутчиков посылали, да только перехватывали их степняки, а потом, прости Господи, на кол сажали у самого Боричева взвоза, чтоб видели мы, в каких муках они погибают...

Святослав спросил воеводу:

– А что же ты не привел этого храбреца к нам на пир, Претич? Полную шапку серебра из княжеской казны отсыпал бы ему собственной рукой.

Претич почесал бороду, плечами пожал:

– Да мне тут и самому не все ясно. Паренек-то и впрямь ловкий был, а потом... Заснул он после того, как я его отдыхать отправил, и больше не проснулся. Позже хоронившие его волхвы сказывали, что во сне парнишечка умер. Сердечко, дескать, остановилось. И вышло, что даже имени его я не узнал. Может, в Киеве кто о нем скажет? Может, знает кто?

– Непременно расспрошу, – пообещала княгиня.

И сдержала слово. Да только никто не смог сказать, кем был посланец и как его звали.

Но память о том, что он совершил, осталась навсегда.

Наталья Костина

Лотерея

– М-м-м... – сиплю я, просыпаясь оттого, что моей щеки коснулось что-то, пахнущее Дженни. Духами, ванилью выпечки и еще чем-то неуловимым – наверное, этот аромат присущ только ей. Иногда моя жена кладет на подушку букетик ландышей или свежий рогалик из пекарни напротив, благоухающий корицей, – все это действует на меня куда лучше дребезжащего звонка будильника. Однажды мне досталась даже ярмарочная свистулька с высовывающимся большим красным языком и пожеланиями непременно показать этот язык моему боссу. Нечего и говорить, что настроение после подобного пробуждения потом весь день на высоте!

Я окончательно открываю глаза и улыбаюсь. Сегодняшний сюрприз – конверт такого солнечного цвета, что не заметить его просто невозможно. В таких конвертах я обычно нахожу смешные рожицы, смайлики, распечатанные на принтере анекдоты или просто целый ряд крупно выписанных восклицательных знаков. В дни, когда я получаю все это, мне кажется, что жизнь особенно полна.

Итак, конверт. Я не спешу его замечать, желая продлить момент утреннего блаженства... еще и потому, что таких сюрпризов я не получал уже давненько. К тому же сегодня выходной и канун Нового года, так что можно никуда не торопиться. Краем глаза я замечаю, что Дженни здесь: стоит в дверях и явно ждет, чтобы я нашел ее послание. Надеюсь, там не коробочка с живой лягушкой, как в прошлый раз: едва я открыл ее, лягушка прыгнула так, что попала прямо мне в лицо! Потом мы с женой долго и со смехом ловили ее, чтобы выпустить на лужайку. Впрочем, сейчас зима – не слишком подходящее время для лягушек...

Внезапно я замечаю, что Дженни, остановившаяся в дверях нашей спальни вполоборота, почему-то не смотрит мне в глаза. Ее собственные глаза при этом подозрительно припухшие и красные. Как будто она долго резала лук. Или плакала. Плакала? Почему плакала? Кажется, я ничем ее не обидел... Утреннюю дремоту как рукой снимает – я рывком сажусь на постели. И замечаю, что половина Дженни не смята. Значит, она не ложилась? И... и почему на ней надето пальто?

– Можешь не вскрывать конверт и не читать письмо... наверное, будет лучше, если я скажу тебе сама и сразу. Я... я ухожу от тебя, Джордж.

– Что?... – тупо переспрашиваю я. Похоже, меня заклинило, и это «что» я произношу далеко не в первый раз.

– Что?... Что?... Что все это значит?... – растерянно бормочу я, хотя все более чем очевидно и в разъяснениях не нуждается. Кроме красных, заплаканных, ускользающих от меня глаз Дженни я отчетливо вижу все остальное: и собранный чемодан у ее ног, и застегнутое на все пуговицы пальто, и ее судорожно сжатые руки...

Однако кроме этого совершенно идиотского «что» я не могу выговорить буквально ничего. Я растерян и тяжело дышу – не потому ли, что у меня нет опыта в подобных вещах? Я... мы с женой прожили тихо, мирно и без душераздирающих скандалов двадцать два... нет, уже двадцать три года, и никогда раньше... Да, черт возьми, никогда раньше! Никогда! Вот почему я так глупо тарашусь и никак не могу взять в толк, что Дженни действительно бросает меня!

Я вскакиваю с кровати – не встаю размеренно и неторопливо, как все последние совместные годы, а именно вскакиваю, будто меня укусила в задницу оса... тут же наступаю на свалившееся на пол одеяло, запутываюсь в нем и валюсь обратно, клоунски задрав ноги и распахнув рот. Я знаю, что выглядит все это донельзя смешно. В другое время Дженни непременно бы посмеялась – нет, мы бы вдвоем посмеялись. Мы катались бы по полу от хохота! В любой другой день. Но только не сегодня. Сегодня! В последний день года, когда я собирался спокойно

позавтракать, неспешно листая утреннюю газету, а потом, взяв жену под руку, отправиться с ней в город – еще раз поглазеть на украшенные остролистом и омелой праздничные зимние базары, потолкаться в улыбающейся, принаряженной толпе... Купить очередной стеклянный шар с маленьким домиком, зарядкой на веточке, снеговиком или целым миниатюрным пейзажем внутри и со снежной метелью, поднимающейся в глицериновом небе над всем этим всякий раз, стоит только встряхнуть сувенир. У Дженни целая коллекция подобных штукун, и она радуется как ребенок, стоит нам найти что-то оригинальное! И я бы обязательно нашел шар, какого у нее нет, и купил бы его тайком, когда она отвернется, чтобы потом... Потом... О господи!..

Я рычу от бессилия и унижения, потому что не будет никакого «потом»: ни горячего чая, щедро приправленного ромом, – мы пьем его прямо на улице, грея о тяжелые кружки руки; ни печенья с глупыми, но такими трогательными предсказаниями на будущий год, над которыми мы, подталкивая друг друга локтями, хихикаем, как школьники... Не будет ни официанток в дурацких красных шапочках Санты с оторочкой из блестящей мишуры; часов на башне ратуши, тяжелые стрелки которых мне захочется подтолкнуть вперед, чтобы скорее наступил тот момент, когда мы с Дженни чокнемся бокалами, а потом ее теплые губы приблизятся к моим, шепча: «С наступившим тебя, Джо...» Я достану припрятанный шар – что поделаешь, я способен только на такие предсказуемые сюрпризы, – но Дженни все равно радостно вскрикнет и просияет... Всего этого уже не будет! Не будет никогда!

Мне становится больно, больно, больно!.. Наверное, Дженни читает все по моему лицу – она всегда видит меня насквозь... Она отворачивается, и этого я уже не в силах вынести. Я отбрасываю проклятые тряпки и ору:

– Ты что, с ума сошла?!

– Не кричи, – тихо говорит она. – Соседи услышат. Да, я ухожу от тебя, Джордж.

– Да пошли они к такой-то матери, твои соседи! – кричу я еще громче.

Я разъярен, и мне действительно плевать на всех соседей разом, а особенно на тех придурков рядом, которых я сам каждые выходные прошу сделать музыку потише, а потом иду через лужайку обратно к дому и спиной чувствую провожающие меня насмешливые взгляды. «Забавный старикан, – словно бы говорят они. – Такой чопорный и раздражительный! Хотели бы мы взглянуть на этого чувствительного субъекта в наши двадцать – небось, тоже покуривал чего не следует, лапал девчонок и отрывался по полной! Что они там слушали в этой глубокой древности, когда у них на головах еще росли волосы, а банковский счет, напротив, стремился к нулю? Панк-рок? Фолк? Или дрянную, дребезжащую, как и его старинная развалина на колесах, попсу?»

Да, жизнь портит людей, а особенно их портят сидячая работа, бесплодное ожидание повышения по службе, отсутствие в слишком большом доме детей или хотя бы животных. Поэтому мне хочется заорать из всех сил и шваркнуть чем-нибудь об пол, но я понимаю, что, если сделаю это, Дженни просто повернется и уйдет, не сказав ни слова. А мне нужно знать, почему она меня бросает. Что я сделал не так? Мне необходимо это выяснить! И прямо сейчас!

От сдерживаемых гнева и досады я весь дрожу, но осведомляюсь нарочито ровным голосом:

– Объясни мне все. Пожалуйста. Объясни мне все!

– Ты действительно хочешь это знать? – говорит она, и ее голос дрожит так же, как и мои руки.

– Да, – настаиваю я. – Все. От начала и до конца.

– Это будет непросто, Джордж, – предупреждает она. – Ох как непросто!

– Я постараюсь выслушать тебя. Спокойно. Обещаю не орать, если ты боишься, что нас услышат. Даю тебе слово. А ты постарайся говорить так, чтобы я понял.

Наверное, сарказм неуместен, когда ты стоишь полуголый, небритый и всклокоченный перед безупречно одетой леди в шляпке, пальто и лакированных туфлях, – пусть даже у леди красные глаза и шляпка немного съехала набок, – но я не мог сдержаться, как ни старался.

Дженни неохотно стаскивает с рук перчатки.

– Конечно, с моей стороны было бы бестактно уйти, не сказав, почему я так поступаю... Собственно, я написала записку, но... Раз уж ты проснулся и раз ты этого требуешь, я расскажу тебе все и прямо сейчас. Я... – Она замолкает, глядя в пол, а затем вскидывает глаза и смотрит на меня умоляюще.

Я молча жду. Я молчу, хотя в голове у меня полный кавардак: основания, отчего меня может бросить жена, спутались в один большой клубок. Оказывается, причин так много! Возможно – и это самый веский резон, – Дженни надоело ждать моего повышения, когда из клерков среднего звена я наконец-то перемещусь в начальство и она получит возможность покупать себе новые дорогие платья? Или ей надоело жить в этом не слишком фешенебельном районе бок о бок с коммивояжерами, вышедшими в отставку капралами и прочим малопочтенным сбродом, единственные развлечения которых – обсуждать соседей, сплетничать на улице да надираться по вечерам? Или... или же она узнала о моем флирте с секретаршей из соседнего отдела? Да, признаю, флирт был не совсем невинным, еще немного – и мы с той крошкой, имени которой сейчас я даже не могу вспомнить, зашли бы намного дальше дозволенного приличиями! Уж не помню, что нам помешало, но наутро я проснулся, как всегда, в собственной постели рядом с мирно посапывающей Дженни, а с той особой с тех пор даже не виделся! Кроме того, кто же не флиртует на корпоративах? По-моему, они и предназначены как раз для того, чтобы выпустить пар! И потом, прошел уже год или даже полтора, так что... Нет, это явно не из-за того, что моя жена узнала о секретарше, да еще и случившейся больше года назад! Из-за этого Дженни могла поскандальить, надуться, но не ушла бы! Хотя женщины – непредсказуемые создания. Иногда они расстаются с мужьями из-за сущих пустяков, например храпа, или пристрастия к чесноку в колбасках, или запаха трубочного табака, который невозможно выветрить из гардин... Однако я не курю, не люблю чеснок и даже не храплю! Я тихий, терпеливый служака, один из многотысячной армии марширующих утром в одинаковых серых костюмах солдат Сити – мужчина средней внешности и среднего возраста... и достаток у нас тоже средний. Как и дом, и газон перед домом, и вечнозеленая изгородь, ножницы для подстригания которой я выбираю сам – они всегда средней цены и, соответственно, среднего качества.

Я вглядываюсь в стоящую передо мной женщину словно бы новыми глазами: вот она, моя Дженни... ей сорок восемь, но ее уж никак нельзя назвать средней! Она до сих пор стройна, у нее, несмотря на заплаканные глаза и красный носик, ухоженный вид, а ее зеленое пальто, лиловая шляпка и лимонные перчатки выглядят свежо и даже вызывающе. Как и туфельки на дерзких каблукках. Стуча которыми, она, возможно, сейчас покинет нашу с ней жизнь навсегда. О господи! Навсегда! Как такое может произойти? Это... это возможно только при одном раскладе – если она уходит к другому мужчине! Но... ей сорок восемь! И мы прожили вместе двадцать три года, черт возьми! Двадцать три года!!

– У тебя... у тебя есть к кому уйти? – осторожно, словно идя по тонкому льду, спрашиваю я.

– Да, Джордж, – спокойно отвечает она. – Я уйду от тебя к другому. Но... это не главное. Это не было причиной... скорее, это оказалось следствием. А главное другое... совсем другое! Не знаю, поймешь ли ты... Мне было очень скучно заниматься домашним хозяйством, Джордж. Это невыносимо – день за днем пылесосить дом, в котором никто ничего не разбрасывает, годами протирать пыль (хотела бы я знать, откуда она берется, эта пыль, если мы никогда не открываем окон?!). И готовлю я всегда одно и то же – что всегда готовила твоему отцу твоя мать. Ростбиф, цветную капусту и пудинг! Ты даже собаку не разрешал мне завести, потому что собаки портят газон и от них шерсть на диванах... И еще ее не с кем будет оставить, когда

мы едем в отпуск. О, Джордж! Ты не представляешь, как тяжело было осознать, какими пустяками я занимала себя все эти годы! А в последнее время ощущение пустоты стало и вовсе невыносимым. Это... это было ужасно, Джордж...

– И оттого что тебе скучно, и тебе надоели пудинги и пыль, и у тебя нет собаки, ты завела роман на стороне? – как можно более едко осведомляюсь я. – Так вот почему ты стала часто пропадать из дома! Вот почему, когда я звонил, мне почти никогда не удавалось застать тебя и приходилось общаться с автоответчиком! Вот почему ты нацепила все эти глупости! – Я бросаю уничижительный взгляд на ее вызывающие туфли, перчатки и сумочку в тон, которая теперь кажется мне дурацкой, хотя еще вчера, увидев ее в прихожей, я подумал, что жена не отстает от моды и у нее к тому же прекрасный вкус. – Или же ты устала ждать, когда старикан Билли откинет копыта или уйдет на пенсию добровольно, а его место передадут мне? И я начну зарабатывать, как настоящий босс? Чтобы ты могла тратить на свои причуды в разы больше?!

– Я уже ничего не могу тратить из твоих денег на свои, как ты говоришь, причуды, – неожиданно холодно замечает жена. – Потому... потому что у тебя больше нет денег, Джордж. Это я тоже хочу сказать тебе сразу. Чтобы ты не подумал, что я ушла и скрыла... это. Так что у тебя больше нет сбережений. Я... я все потратила.

– Что?!.. – не веря своим ушам, восклицаю я. – Ты все потратила?! Но куда?! Нет... этого не может быть!! И как... как такое могло случиться?! Джен, скажи, что ты шутишь! Скажи это сейчас, иначе... иначе я за себя не ручаюсь!

На миг взгляд Дженни смягчается – но это только на миг. У меня же подкашиваются ноги, и я буквально плюхаюсь обратно на кровать и даже, кажется, испускаю стон. «О-о-о» мычу я, или «у-у-у», или даже «а-х-х-х-а-а» – не знаю точно, как передать звуки, которые я из себя исторгаю, да это и не важно. Важно лишь, что Дженни срывается с места и наливает стакан воды.

– Выпей, Джордж... пожалуйста, выпей!.. – умоляющим тоном говорит она. Голос у нее такой же нежный, как и в двадцать лет, когда я впервые увидел ее. И разве мог я подумать тогда, что небесное создание с темными вьющимися волосами, зелеными колдовскими глазами и голосом эльфа, прожив со мной под одной крышей двадцать три года, в конце концов отколет такую штуку?! Это даже не секретарша в расстегнутой блузке в темном углу! Сначала та, которой я полностью доверял, растратила все мои... нет, пускай даже наши! – но все, все деньги! А потом еще и бросила меня, чтобы уйти к другому!

– Я не хочу пить! – Я перестаю стелать и отталкиваю ее руку, но у меня предательски кружится голова, и Дженни, кажется, это замечает.

– Я так виновата, Джордж... так виновата! – лепечет она. – Но... это было сильнее меня!

– Что?!.. – рычу я. – Что именно сильнее?! Чужой мужик, которого ты ублажала, когда тебе осточертело вытирать пыль, или те тряпки, в которых ты перед ним дефилировала?!

– Не смей меня оскорблять! – вскипает Дженни. – Если я в чем-то и виновата перед тобой, Джордж, то только не в...

Она замолкает, и по ее лицу начинают струиться слезы.

– Я... я покупала лотерейные билеты, Джо... – тихо говорит она. – Это... это так затягивает! Тем более что по самому первому я сразу выиграла! И купила себе... купила себе все это. Мне... мне так надоело благоразумие, и плиссированные юбки, и серое пальто, и искусственный жемчуг... Меня просто уже тошнило от этого! Я чувствовала, что еще немного – и я начну заказывать теплые халаты с рюшами по каталогам и ходить в магазин с бигуди на голове и в тапочках! Вот тогда я и решила, что отныне моя жизнь будет другой! Как будто этим выигрышем... мне словно показали путь к новой жизни... Я действительно так думала! И я стала покупать еще билеты. Но мне почему-то перестало везти, и я долго ничего не выигрывала. Я... я истратила на билеты все наши хозяйственные деньги, потому что казалось – еще чуть-чуть, и мне в руки еще раз упадет целая куча банкнот! Но денег больше не было. И надо было что-

то предпринимать, пока ты не спросил, почему на обед у нас одна только морковка! И я... я пошла в банк и сняла оттуда, чтобы заплатить в мясной лавке, и в бакалейной, и за электричество, пока ты не заметил, какая гора платежей у нас скопилась. Но я не удержалась и, вместо того чтобы потихоньку расплатиться с долгами и забыть об этой проклятой лотерее навсегда, снова накупила билетов! И снова ничего не выиграла! И вдобавок к прежнему мне теперь еще надо было объяснять тебе, куда подевались деньги со счета! Так что я начала играть уже во что попало: на скачках и даже на собачьих бегах! Ведь кто-то каждый день на них выигрывает, правда? А если кто-то выигрывает, то почему не могу выиграть и я?

– Ты же ничего не понимаешь ни в лошадах, ни тем более в остальном! – в сердцах выпаливаю я. – Твое дело состояло в том, чтобы содержать в порядке дом и саму себя и быть мне опорой и поддержкой, а вместо этого ты...

– Тебе не нужны были опора и поддержка! В последние годы ты едва замечал меня, Джо! Ты приходил с работы и усаживался перед телевизором, или читал газету, или стриг газон, или ругался с соседями, или же уходил к друзьям пить пиво, а что оставалось мне?! Сериалы для домохозяек? Бридж с такими же старушенциями, какой ты видел меня, Джордж? Задумчивые беседы с пылесосом? Стать активисткой Армии спасения? Начать собирать гербарий и морить бабочек в банке, а потом распяливать их и вставлять в рамочки?

– А что плохого в бабочках или даже в гербарии?! Вместо этих невинных занятий ты нашла нечто получше – начала играть, как наркоманка, и спустила все, что я... что мы скопили за все эти годы!

– А зачем тебе деньги, Джо, если мы все равно их не тратим? У нас все старое – мебель, машина... Ты не желал ничего менять и получал удовольствие от созерцания своего банковского счета, только от этого! Я же наслаждалась предвкушением выигрыша! И то и другое – некрасиво и своего рода наркомания. Так что между нами нет никакой разницы!

– Мы можем заболеть... – тяжело сказал я, глядя в пол. – И тогда нам понадобятся... могли понадобиться все наши сбережения!

– У нас обоих прекрасные медицинские страховки, которые покрывают все, даже пересадку сердца. И... я не собираюсь болеть! – каким-то странно звенящим голосом сказала Джейн. – Хотя мне казалось, что в этом проклятом пустом доме у меня уже и сердца не осталось! Мне уже хотелось умереть, так было противно!

Она сверкнула своими удивительными глазами, несколько не потерявшими блеск, и с гордостью выпрямилась. Я словно бы увидел прежнюю Дженни, какой она была два десятилетия назад: юную, смешливую, неожиданную... Что ж, она преподнесла мне неожиданность, ничего не скажешь!

– Ты меня разыгрываешь! – с чувством произнес я и сильно потер лицо. – Ты... Скажи, что ты все это придумала, Джен! Что все это шутка... пусть даже и зашедшая слишком далеко! Банки сегодня уже не работают, но я ведь могу проверить, на месте ли деньги, проверить сейчас, буквально не сходя с этого места!

– Что ж... проверь! – горько согласилась она. – Проверь... и убедись сам!

Однако я больше не слушал ее. Конечно же это была шутка! Сегодня наступает Новый год, и мне ли не знать, на что способна моя Джен! Разумеется, такой не совсем невинный розыгрыш вполне в ее духе! Немного пошекотать мне нервы, а заодно и сказать прямо в лицо, что ее не устраивает в нашей жизни... Вот она и придумала повод! Конечно же, ей скучно дома... И почему я не соглашался купить ей щенка? Только ли потому, что не любил соседского пса? Или просто не хотел ничего менять в жизни? Которая и впрямь начала превращаться в стоячее болото! И она никуда не уходит, моя Джен, нет у нее никакого другого мужчины, иначе бы я давно заметил... заметил!

Я бормотал все это себе под нос, лихорадочно открывая и включая компьютер, входя в Сеть и вбивая непослушными пальцами свой банковский пароль.

– Я бы заметил... заметил... Я не верю, что она это сделала... У нее никого нет... нет! Нет!! – заорал я, когда увидел свои счета. Везде было пусто и красовались нули. Даже на тех депозитах, которые были открыты только на мое имя и с которых – теоретически – она не могла снять деньги, однако только теоретически! Мой пароль не был недостижим для жены, как и чековая книжка. Да и мою подпись она воспроизводила просто виртуозно, и мы не раз пользовались этим ее умением, чем я, идиот, даже восхищался! Чтобы теперь она обвела меня вокруг пальца!

– Джен! – Я задохнулся и закашлялся так, что на глазах выступили слезы. – Джен, черт побери!.. Джен!!

Однако ее уже не было. Пока я возился и тыкал пальцами в кнопки, жена выскользнула в дверь и ушла. Ее уже не было в их доме. Нет, не в их! Теперь только в моем доме! Доме, который не терпел никаких перемен... старом доме со старыми обоями, с истертыми коврами, которые были новыми двадцать три года назад... когда она, новобрачная, сияющая и счастливая, вошла по этим ступеням... С тех пор минуло бог знает сколько лет, и бог знает сколько пыли ей пришлось тут вытереть... горы, фараоновы пирамиды пыли! Она страдала тут, словно в заточении, когда я все еще продолжал считать себя счастливым и везунчиком: еще чуток поднапрячься и подождать – и я стану главой отдела! И тогда мы переедем на другую улицу, в еще более просторный и дорогой дом... в котором будет еще больше пыли! И где я заказывал бы к обеду все те же ростбиф и цветную капусту!

О господи, Джен... Кажется, только сейчас я понял, почему ты это сделала! И почему ты ушла... Ушла окончательно и бесповоротно... ушла неизвестно к кому – тонкая и решительная, с экстравагантной сумочкой лимонного цвета в одной руке и вместительным чемоданом в другой. Ты покинула нашу жизнь, потому что устала ждать перемен, на которые я оказался просто не способен! Мне горько признаться в этом, но это правда! В самом деле – что хорошего ждало тебя рядом со мной? Совместное праздное старение у телевизора? Вялотекущая война с соседями? Унылые пикники с готовыми безвкусными сэндвичами и безалкогольным пивом? Предсказуемые праздники с заранее оговоренными подарками: тостер, взамен сгоревшего, – ей, банные полотенца – мне?

Как много было у нас планов, когда мы поженились, какой счастливой и полной надежд казалась Джейн! Какой хорошей она была женой! Как заботилась обо мне! Да, я был зол сейчас, и расстроен, и раздосадован... Можно сказать, я был сражен наповал – но не потерял главного своего достоинства, достоинства, которое все эти годы и питало наши надежды на то, что именно я займу место руководителя, – я умел анализировать и смотреть на вещи критически.

– Если от меня ушла жена, – объяснил я громко самому себе, – значит, я перестал ее устраивать! Прежде всего ее перестала устраивать моя личность. Какие-то черты моего характера стали для нее просто непереносимы! А эта проклятая лотерея – уже следствие. Как и то, что природа не терпит пустоты... Моя жена стала искать другого, более подходящего ей мужчину... и, судя по всему, она нашла его!

Да, я мог и умел смотреть на все критически, но сейчас, сегодня, это не помогало – скорее раздражало и мешало. И еще – я чувствовал, как опустел с уходом Дженни наш дом. Оказывается, одного меня было совершенно недостаточно... Это она наполняла его звуками и запахами: стряпни, духов, цветов, купленных на ближайшем рынке. Это Дженни создавала музыку дома, лихо подпевая хитам из телевизора, тихо мурлыча полюбившиеся отрывки из опер или просто болтая по телефону с подругой. Дом был пуст – она ушла и унесла все с собой, словно именно этим уютom, а не вещами, и были набиты ее чемодан и легкомысленная сумочка, которую она купила с того проклятого выигрыша в лотерею! Если бы она не выиграла! Зачем, зачем он оказался счастливым, тот самый первый ее билет?! Если бы по нему ничего не выпало, моя жена просто выкинула бы его, как любую ненужную бумажку, и сейчас была бы рядом со мной! И в моей... в нашей жизни ничего бы не изменилось!

Однако она хотела измениться... хотела все изменить! И вслед за вызывающе нарядным и модным пальто, за шляпкой и перчатками из дорогого магазина возник и мужчина! Кто он? Даст ли он ей, моей Дженни, все, что не смог дать ей я?

– Кто он?! – выкрикнул я в пустоту и тишину дома. – Где вы познакомились?! И почему он лучше меня?! О, ты не могла меня предать, Джен! Ты просто не могла!!

Ответом было молчание.

Молчание.

Молчание.

Я не был готов к этой тишине, к одиночеству, которые били по нервам даже сильнее, чем сплошные нули в моих счетах. О, намного сильнее! Я вдруг подумал, что хуже этого гнетущего безмолвия нет ничего на свете и что сейчас я бы обрадовался даже зашкаливающим децибелам из соседского дома или обществу их нахального пса, оставляющего свои дурнопахнущие метки у нашего крыльца...

В смятении я выглянул на улицу, но там не было ничего, кроме одиноких следов Дженни на свежесвыпавшем снегу – следов, уходящих от нашего дома. И, возможно, они никогда, никогда уже не протянутся обратно!..

Мне тоже захотелось уйти – уйти отсюда, от въевшихся в стены запахов ростбифа, цветной капусты и приторных пудингов, от никем не вытертой сегодня пыли и от этой гнетущей, огромной, навязчивой тишины... Уйти куда угодно, куда глаза глядят! Разумеется, вот-вот наступит Новый год и на улицах толкотня, а в пабах яблоку негде упасть, – но, наверное, этого мне и нужно! Да, уйти, уйти отсюда! Сейчас! Немедленно!

Когда я вышел из дома, уже начало темнеть – неизвестно куда девался целый день... Такой длинный, такой несчастливый день!

Мне казалось, что я едва переставляю ноги, тяжелые, как свинцовые гири, – но вот уже и конец нашего тихого квартала, дальше простирались сияющие разноцветными, подмигивающими праздничными огнями торговые ряды, полные народа. Куда спешат все эти люди? Почему они так довольны? Отчего они смеются? Разве можно радоваться и хохотать в день, когда я стал банкротом во всех смыслах? Когда от меня ушла моя Дженни?! Пить чай с ромом из тяжелых глиняных кружек, разламывать печенье на счастье, покупать волшебные шары, в которых, разумеется, нет никакого волшебства, – но в такой день невозможно их не купить! Как невозможно не верить в чудо... Чудес больше нет. Их больше не будет в моей жизни... никогда. Никогда!..

– С наступающим вас, сэр! Купите билетик на удачу!

– Что?! – Я остановился как вкопанный. Ноги будто приросли к тротуару.

– Билетик, сэр! Всего две монеты! Билетик на удачу! Я просто чувствую, что вы выиграете, сэр!

Я словно впервые увидел, сколько их в городе, этих продавцов призрачной фортуны, промышляющих на каждом углу. Нет, они, разумеется, не виноваты – они просто винтики в огромной машине, название которой – слепая алчность! Причем алчность отнюдь не устроителей, сулящих мгновенное обогащение на многочисленных лотереях, а наша собственная, подпитываемая нашими же неразумными, незрелыми мечтами! Мы все мечтаем о свалившемся просто с неба незаработанном богатстве, желаем быть баловнями случая и получить от судьбы подарок просто так! Ну а если ничего не выпадет, если сегодня фортуна повернулась лицом к другому – что такое всего две монеты? Пустяк, чепуха... Однако если подсесть на эту иглу, если тратить деньги на сотни или даже тысячи билетов, как это делала Дженни, пытаюсь привлечь удачу, то...

– Нет, – выдавил я. – Мне не нужны никакие выигрышные билеты. Я... я уже выиграл сегодня все, что мог, – добавил я с мрачным сарказмом и только тут взглянул на парнишку.

Тот был очень молод и худ и одет явно не по погоде – посинел и дрожал в своей тонкой курточке, да и шапки у него не было. Что заставляет таких людей торчать на улице, на ветру и холоде в праздничный день? Быть может, у него дома больная мать или сестренка? А может, он подрядился продавать билеты, чтобы подработать на образование?

– Мне не нужен выигрыш. Вот, возьми просто так, парень. – Я полез в карман. Оказывается, я забыл бумажник дома, но в кармане завалялась пятерка, которую я и протянул ежась от холода парнишке лет шестнадцати, но тот смутился и покраснел:

– Нет-нет, что вы! Я не попрошайка!

– Ну что ты, – поспешил загладить обиду я. – Мне и в голову бы это не пришло! Просто я никогда не выигрываю. Так что можешь, если хочешь, оставить билет себе.

– Так не положено, сэр! – твердо сказал продавец. – И я просто знаю, что вы сегодня выиграете! Пожалуйста, выбирайте билет, сэр! Честное слово, это очень надежная лотерея! Выигрыш гарантирован! И розыгрыш прямо сегодня, как раз за час перед Новым годом! Так что отбросьте сомнения и выбирайте ваш счастливый билет!

Я сдался.

– Выбери мне сам. У меня что-то не очень счастливая рука, – криво улыбнувшись, добавил я.

– Возьмите вот этот, сэр!

– Ну, этот так этот. Спасибо. Сдачи не надо.

«Что толку экономить по мелочам, когда главное в моей жизни уже упущено?» – горько усмехнулся я про себя, сунул совершенно ненужную бумажку в карман и поплелся дальше, к единственному месту, куда я заходил вот уже лет двадцать и где мог рассчитывать на кредит, – пивнушке «Упитанный единорог».

Я ожидал, что тут будет битком набито, однако паб оказался почти пустым.

– Что-то у тебя сегодня не густо! – заметил я. – Нальешь в кредит, Сэм? Забыл дома бумажник.

– Сегодня в пабах только те, у кого нет семьи! – Толстый черноусый бармен назидательно поднял вверх палец. – Но если честно, Джо, я и сам не пойму, почему у меня так пусто? Наверное, потому что все решили: Новый год – праздник семейный... Об этом то и дело судачат по телику. Да и после Рождества народ разъехался на каникулы. Из завсегдатаев сегодня только те двое, – он кивнул на неясные фигуры в самом дальнем углу, – да я, да мы с тобой! Но, положи руку на сердце, уж тебя, Джо, я сегодня точно не ожидал увидеть! И что-то у тебя неважнецкий вид, Джордж... Многие в городе слегли с гриппом... Сделаю-ка я тебе горячий грог!

– Спасибо, Сэм! – с чувством сказал я. – Горячий грог – это, пожалуй, то, что надо!

Сэм зажег спиртовку и начал колдовать возле нее, а я неожиданно спросил:

– Скажи, Сэм, как ты относишься к лотерее?

– Лотерее?

Бармен, казалось, вовсе не был удивлен. Впрочем, каких только вопросов не задают посетители!

– Ну, иногда ставлю десятку-другую, – сознался он. – В основном на лошадок. Сам знаешь, Джо, тут у нас бывают всякие личности... Иногда послушаешь-послушаешь, о чем они толкуют, да и клюнешь! В основном, конечно, эта болтовня о том, якобы они наверняка знают, на кого ставить, и бренчи у них в кармане монета, они бы своего не упустили, сразу поставили бы тыщ пять! Да только то, что они тебе поют о своих важных связях, – пустое бахвальство. Однако пару раз и сам пораскинул мозгами, полистал бюллетени скачек – и мне повезло! Два... нет, три раза выигрывал по-крупному! – похвастал он. – А что, Джорджи, кто-то дал тебе совет относительно ипподрома? – Он снял со спиртовки вино с пряностями и перелил его в тяжелый бокал с удобной ручкой.

– Я сегодня получил много советов... – уклончиво подтвердил я и пригубил напиток. – Но все они немного другого свойства. Просто, когда я шел сюда, парнишка на углу продал мне лотерейный билет. До этого я никогда не играл ни в какие азартные игры...

– О, так ты новичок! – воскликнул Сэм. – Новичкам, говорят, везет! Помнится, на своей первой ставке на ипподроме, будучи еще юнцом, я тоже сорвал неплохой куш! Однако зарываться не стоит... Знавал я людей, которые начали по маленькой, а потом спустили все, что имели, да еще и влезли в долги!

Я ничего не ел сегодня, и крепкое горячее вино, выпитое на пустой желудок, буквально оглушило меня. Я чувствовал, что согреваюсь... оттаиваю... и что мне почему-то неудержимо хочется рассказать бармену все: и о Дженни, и о том, что она проигралась в пух и прах, пустив на ветер все наши сбережения, и почему я сегодня не остался дома, а пришел сюда... Из последних сил пытаюсь удержать язык за зубами, я сказал:

– Да... Новый год – праздник семейный, это ты прав! Относительно же того, что новичкам везет: моя жена тоже выиграла на свой первый лотерейный билет...

– Надеюсь, с миссис Дженни все в порядке? – вежливо осведомился Сэм, который не раз обслуживал нас, когда мы бывали тут вдвоем.

– Она уехала к матери, – процедил я. – Она неважно себя чувствует... моя теща, то есть мать Дженни. Старушечки чуть не сто лет, и она... гм... приболела...

Я говорил так неискренне, что Сэм, который знал меня как облупленного, наверняка это почувствовал. Они вообще видят каждого насквозь, эти ребята, которые наливают тебе вечером и которые с непроницаемыми лицами профи привыкли выслушивать и ложь, и бахвальство, и совсем уж дикие пьяные фантазии разгулявшихся посетителей. Однако то, что случилось со мной, просто рвалось из меня наружу. Сдерживаясь изо всех сил, я уткнулся в свой стакан и, желая перевести разговор на другие рельсы, спросил:

– Сэм, а почему паб назвали «Упитанный единорог»? Единорогов, ни худых, ни упитанных ведь не бывает?

– Зеленых свиней тоже не бывает, как и веселых пудингов, – отвечал хозяин, явно намекая на два конкурирующих заведения неподалеку: «Зеленый боров» и «У развеселого пудинга».

Я тут же вспомнил тот самый чертов пудинг, который Дженни всю жизнь готовила по рецепту моей матушки, – именно потому, что я сам – сам! – требовал этого!

– К дьяволу пудинги, хоть веселые, хоть нет! – сказал я. – Сделай-ка мне еще этого пойла, Сэмми!

– Может, ты для начала чего-нибудь съешь, Джордж? – В голосе бармена явно слышалось сочувствие. Видимо, на правах старого приятеля он решил, что просто обязан присмотреть за мной в отсутствие жены. – Сдается мне, парень, что у тебя сегодня и маковой росинки во рту не было! Дженни давно уехала? Если моя хозяйка уезжает, я сам и бекона не поджарю. Мое дело – напитки... а это не слишком хорошо для желудка! Смотри, от грога быстро хмелеют, горячее вино бьет в голову!

В мою голову сегодня уже достаточно били тяжелой артиллерией, и грог Сэма вряд ли мог бы чему-нибудь навредить...

– Когда двадцать лет назад я купил «Единорога», он так и назывался, – сказал бармен, предаваясь воспоминаниям. – И на заведении еще висела оригинальная вывеска, которая была приколочена во-о-от такими гвоздями чуть не со времен Эдуарда Исповедника! Но, несмотря на гвозди, на следующий год она пропала во время урагана с наводнением, и это была большая потеря! Жена даже увидела в том какой-то знак и хотела переименовать паб, назвать его «У Сэма», но я сказал, что пусть будет как раньше. Люди привыкли ходить в «Упитанный единорог», пускай такого зверя и днем с огнем не сыщешь. Я заказал почти такую вывеску, только этого самого единорога попросил сделать побольше да посвирепее и позолотить ему

рог. А моя хозяйка велела художнику изобразить с другого боку даму, ну, вроде как принцессу. Не знаю уж, каким боком единороги к принцессам, но вышло хорошо. Иногда мое заведение так и называют – «Единорог и Принцесса». Сегодня, конечно, вывеска блестит не то что двадцать лет назад, зато сразу видно, что мой паб старый и почтенный. Да... Двадцать лет, а все помню, словно это было вчера! Кажись, Джорджи, мы с вами в тот год и познакомились?

– Да, – подтвердил я. – Мы... я... мы живем в этом районе уже двадцать три года.

– Да, не кот начхал! А какая красotka была твоя Дженни, ну чисто принцесса с вывески. Да она и сейчас хороша!

И тут меня прорвало. Я стиснул стакан так, что тот едва не хрустнул, и сказал:

– Она ушла от меня, Сэм... Ушла сегодня утром.

– Да ну! – только и вымолвил хозяин. – Надеюсь, ты не разыгрываешь меня, Джордж? Я только вчера ее видел... Она шла такая веселая... и вроде как с подарками...

Подарками... Да только, видно, не для меня!

– Принцесса ушла, а единорог остался! – мрачно резюмировал я. – Остался в одиночестве! Сэм... мне нужно еще чего-нибудь выпить!

– Нет, Джорджи, и не проси! – твердо сказал толстый Сэм, отдуваясь от избытка эмоций, вызванных новостью. – Я вполне понимаю твои чувства и вроде бы должен блюсти свою выгоду, но... не проси!

– Если ты не нальешь мне здесь, я пойду в «Зеленый боров»! – пригрозил я.

– У тебя же нет наличных, – напомнил хозяин. – Поэтому в «Борове» тебе тоже не нальют! Ты не их клиент, Джордж, а мой, так что давай я тебе хотя бы сэндвич сварганю...

– Я могу расплатиться с ними этим поганым лотерейным билетом! Будь оно все проклято... Зима... Ветер... Холод... И Дженни со своей лотереей!

– Эй, полегче! – призвал меня к порядку Сэм. – Вы с Дженни еще помиритесь, и потом тебе будет стыдно за эти слова, Джорджи! Давай-ка я включу телик... это тебя немного отвлечет, я так думаю.

Однако меня уже несло, как щепку при наводнении:

– Она предала меня, Сэмми! Предала! И это после двадцати трех лет совместной жизни! Когда я все делал только для нее! Старался! Копил! Думал, еще немного – и я сяду в кресло начальника и тогда куплю ей все, что она только пожелает! Я думал, мы переедем в новый дом, хотел, чтобы у нее было все самое лучшее! А она... она обвинила меня в том, что я не купил ей собаку! Собаку! Господи! – Я пьяно мотал головой, и из моих глаз уже катились настоящие, неподдельные слезы, крупные, как те бриллианты и жемчуга, что я мечтал надеть на Джейн, когда стану боссом.

– Думаю, сегодня выпивка за счет заведения, Джордж! – сказал ошарашенный Сэмми. – И еще я думаю, что ты малость того... преувеличиваешь! Твоя хозяйка посидит у своей матери и вернется. Как миленькая вернется!

– Бросить меня из-за того, что мне нравятся ростбиф с цветной капустой и пудинг с патокой! Видит бог, я никогда не требовал от нее ничего большего! Никаких тебе кулинарных изысков, ничего кроме! А ей, оказывается, нужна была собака! Как будто мне мало того соседского чучела, что постоянно роется на моем газоне и пакостит на крыльце! Того беспородного гребаного ублюдка!

– Я люблю собак, – осторожно произнес Сэм, растерянно дергая себя за усы, – но некоторые действительно бывают несносны! У нас с моей Джуди две кошки, так тоже полон дом шерсти, да и когти они точат где попало! Но Джуди так любит этих тварей, что я уж терплю.

– Кошка – это еще куда ни шло. И клянусь, я бы понял, если бы она мечтала о говорящем попугае или аквариуме с золотыми рыбками... Но собака! Собака, Сэмми! Ладно, пускай и собака, я бы смирился и с этим заповедником для блох, но почему она не сказала мне об этом раньше?! Почему?! – взывал я в пространство. – Я бы купил ей эту чертову собаку!

Купил бы самую большую и породистую! Лучшую собаку на всех островах и континентах! Бульдога! Самого слюнявого и самого прожорливого! И самого кривоногого в придачу! И пусть бы он храпел на ее лучшем диване в гостиной! И сгрыз бы ее новые туфли! И распотрошил ее любимую шляпку! Собаку! – бушевал я, как тот ураган, что двадцать лет назад, когда Дженни напоминала Сэму, мне, да и всем окружающим не жену начинающего биржевика, а скорее сказочную принцессу, снес в море оригинальную вывеску «Единорога» вместе с трехфутовыми гвоздями. Да, в то время у меня еще не было одышки и лысины, у Сэма – его подагры, пивного живота и усов, а Джейн была отнюдь не сегодняшней экстравагантной дамой... но неужели уже тогда она начала мечтать о собаке?!

Я вытер обильно выступивший от горячего грога и волнения пот и перевел дух. Что-то я действительно раскричался... И почему меня переклинило именно на собаке, на этом чертовом четвероногом млекопитающем, ведь Джейн ушла от меня не к какому-то псу, а к вполне конкретному мужчине?! Вот о ком я сейчас должен был бы думать, вот кого искать, вот кому мстить, вместо того чтобы сидеть тут, у Сэма, и слюняво плакаться ему в жилетку! Полагаю, сегодня я бы отдал все на свете, чтобы вернуть те благословенные времена, вернуть ту Дженни, да и себя самого – молодого, полного надежд и стремлений и верящего, что все лучшее у нас еще впереди! Знал бы я тогда, каким крахом, почище урагана, обернется наш брак! И какая тяжкая новогодняя ночь ждет меня через двадцать три года после свадьбы!

– И все произошло из-за вот этих проклятых бумажек! – Я шваркнул на стойку Сэму под нос ни в чем не повинный лотерейный билет, купленный пару часов назад на углу у промерзшего парнишки.

Однако Сэм был так огорчен, что, вероятно, принял проклятую лотерею за объявление о продаже бульдога, поэтому не стал рассматривать билет, лишь сочувственно вздохнул. Затем он щелкнул кнопкой, и телевизор на консоли взорвался бравурной мелодией.

– Все-таки я сделаю тебе сандвич, Джорджи, – промолвил он. – Собаки... с ними столько хлопот! Прививки, ошейники, всякое дерьмо, которое они так и норовят сожрать на улице! Не говоря уж о том, что они все время теряются и сбегают! Это очень нервные животные с расстроенной психикой, не то что кошки, которых и громом небесным не напугаешь, помани мое слово, Джордж! Сколько ни швыряй в кошку тапкой, она даже ухом не ведет и все равно делает по-своему! А псины так боятся петард и фейерверков, что после каждого праздника на всех столбах в округе висят объявления: «Пропал милый песик, прошу вернуть за вознаграждение!» Нет, Джордж, когда вернется Дженни, купи ей кошку! Может, она не станет охранять дом и с ней не очень сподручно гулять на поводке, но кошка...

– Эй, Сэмми, переключи-ка канал, – попросил один из двух завсегдатаев, подходя к стойке. – Сейчас начнется розыгрыш лотереи, у нас тут с дружбаном завалялась парочка выигранных... – И он вывалил на стойку отнюдь не парочку, а целую кипу измятых билетов. – Вот... Может, удача нам под Новый год и улыбнется? Проверим ее, да и пойдем по домам, жаль, что ты закрываешь свое заведение и у тебя нельзя встретить Новый год, но что поделаешь? У каждого, как говорится, свои заморочки... Переключай, вдруг мы сорвали главный куш и теперь до конца жизни не будем думать, чем платить за выпивку?...

– Как это – у меня нельзя встретить Новый год? – озадаченно спросил Сэм, машинально делая то, что от него требовали. – Кто это вам такое сказал?

– Да у тебя самого на входной двери написано, Сэмми! – подтвердил второй клиент, подтягиваясь к стойке. – Не слишком-то это красиво – выгонять порядочных людей в новогоднюю ночь на улицу! Но что поделаешь, если ты вдруг решил менять правила! Помнится, раньше в Новый год «Единорог» всегда был открыт до утра! И мы пили тут, и веселились, и...

Бармен, не дослушав, как именно в новогоднюю ночь веселились у него завсегдатаи, протиснулся мимо говорившего и вышел на улицу. Телевизор между тем закончил петь, и на

экране возникли томная блондинка, барабан с шариками и ярко освещенный зал, полный возбужденных и нарядных людей.

– Началось! – сказал первый клиент, потирая руки и раскладывая билеты на стойке. – Вы что, тоже играете? – обратился он ко мне. – Э-э-э... да у вас всего один билетик! На один билет нечего и думать выиграть, приятель! Это все равно что пожелать достать рукой кусочек Луны!

Прогремел туш, блондинка ослепительно улыбнулась и, вытянув лилейную ручку с наточенными коготками, достала первый шар.

– Какой-то идиот пришил на дверь объяву, что я не буду работать в новогоднюю ночь! – Разгневанный Сэм вернулся с улицы, потрясая невесть откуда взявшейся картонкой. – А я-то думаю – куда подевалась вся моя постоянная клиентура?! А они заказывают напитки и прочее в другом месте! Я урою-таки этого холощенного зеленого кнура вместе с его приятелем, вонючим пудингом! Они у меня еще попляшут! Устроить мне – мне! – такую подлянку!..

– Тише, Сэмми! – взмолились клиенты. – Розыгрыш идет!

– Я покажу им розыгрыш! Они меня до конца жизни помнить будут! Изгадить мне единственную новогоднюю ночь в году!..

– Опять ничего и близко нету! – с досадой сказал первый игрок. – А у тебя?

– У меня тоже ничего.

– А у вас, мистер?

Я не смотрел на экран, где блондинка, жеманясь и извиваясь, ублажала своей персоной затаивший дыхание зал, полный жаждущих выигрыша безумцев. Я просто сидел безучастно, ожидая, когда же закончится и это шоу, и весь сегодняшний сумасшедший день целиком.

– Да у вас уже целых четыре цифры совпали! – ошарашенно сказал второй игрок, заглядывая мне через плечо. – У меня за всю жизнь такое только раз и случилось!

– Какие четыре... все пять! – воскликнул первый.

Даже Сэм временно перекрыл поток проклятий в адрес «Развеселого пудинга» и «Зеленого борова» и устался в клочок с неким магическим набором знаков передо мной.

– Эй, Джорджи, – неуверенно произнес он. – Похоже, что ты выигрываешь, парень!

– Последняя цифра никогда не совпадает! – уверенно сказал второй клиент. – Никогда! Сдается мне, они печатают все билеты так, чтобы эта цифра просто нигде не попадалась!

В зале при телестудии волнение, похоже, тоже нарастало – или же вся эта кутерьма действительно была лишь ловко срежиссированным действием?

– Я думаю, победитель очень скоро определится прямо у нас тут, в студии! – взволнованно ворковала блондинка, прижимая ручку к груди, грозившей вот-вот вывалиться из декольте, расширив и без того искусно увеличенные гримом очи и хлопая ресницами, словно бабочка крыльями. Иллюстрируя ситуацию, оператор тут же выхватил крупным планом лицо из толпы – бледную женщину средних лет с целым ворохом билетов в руках. – У леди в правом секторе совпало сразу пять цифр!

Зал застонал, а какой-то голос выкрикнул:

– Пускай кто-то из нас вытащит последний шар!

– Вы мне не верите? – Блондинка оскалила все зубы разом, а платье ее сверкнуло в лучах софитов соблазнительными и соблазняющими алмазными россыпями.

– Ребенок! Пускай ребенок решит судьбу!

Чьи-то руки вытолкнули к барабану с пронумерованными шарами маленькую девочку лет пяти, таращащую от неожиданности глаза и всю в бантах и оборочках.

– Эх, – сказал первый клиент Сэма. – Вот так они всегда и делают! Видали, какой фокус? Ребенок отвлечет внимание, а тем временем эта фифа вытащит то, что им нужно!

– Девчонке ни за что не позволят вытащить шар, – подтвердил второй. – Потому что с ребенком не договоришься! Да и рукава у нее на платье короткие! А у этой дамочки такие, что

не только шарик величиной со сливу упрятать можно, но и целый школьный автобус! В цирке ей только и выступать! Кругом обман!

– Вы что, думаете, в этой лотерее все нечестно? – скептически осведомился хозяин «Упитанного единорога». – Это же государственная лотерея!

– Ты бы еще государственные налоги вспомнил, Сэм! – воскликнул первый, и бармен только вздохнул. – Нас надувают везде, где только могут!

– Хорошо, пусть будет девочка! – согласилась ведущая. – Как тебя зовут, солнышко?

– Дженни, – ковыряя туфелькой пол и опустив от смущения ресницы, еле вымолвила та.

– Давай, Дженни! – взревел зал.

– Давай! – присоединились и оба клиента Сэма. Они уже стребли в кучу свои билеты, которые ничего не выиграли, и придвинулись вплотную ко мне. – Давай, милашка! Вытащи... – Первый придвинул к себе мою бумаженцию и проорал: – Вытащи нам номер шестьдесят два! Давай! Не подкачай!

Барабан раскрутили так, что шары в нем устроили просто бешеную скачку. Потом девочка протянула к окошечку руку и, покопавшись немного, выбрала один.

Когда она извлекла решающий номер, блондинка не поспешила его забрать, устроив просто шекспировскую паузу. Наконец она просюсюкала:

– Ты уже знаешь цифры, Дженни?

– Только до десяти... – Девчонка раскусила эту сладкую конфетку – поняла, что значит быть центром внимания, и всю кокетничала и стреляла глазками.

– Тут у нас две цифры...

Зал затаил дыхание.

– Две цифры... Какие же это цифры, Дженни?

– Ш-шесть, – сказала девочка. – И два!

– Шестьдесят два! – возгласила блондинка.

Леди с ворохом билетов в руках закатила глаза и упала в обморок. Последний номер на ее билете не совпал. Потому что он совпал у меня. Силы небесные! У меня!!

– Ты... ты выиграл, Джордж!! – завопил Сэм. – Выиграл!! Быть этого не может!! Выиграл!! Тут, у меня!! В «Упитанном единороге»!! Он купил билет в первый раз в жизни! – весь раздуваясь от гордости, объявил он, будто ему было не наплевать, выиграл я или же проиграл. – Выпивка за мой счет! – заявил бармен. – Выпей, Джорджи! На тебе лица нет от нервов!

Сэм налил рюмку бренди и от пережитого не подвинул ее ко мне, как полагалось бы, а махнул сам.

– О господи! – говорил он, утирая усы. – Выиграл! Это надо же! Теперь ты миллионер, Джордж! Как тебе такое нравится?!

Я сидел, ошеломленный и ошарашенный, сжимая в руке купленный несколько часов назад по дешевке клочок бумаги, вдруг оказавшийся бесценным. По крайней мере, таким он выглядел в глазах Сэма и остальных.

– Давайте все выпьем за Джорджа! – неистовствовал Сэм. – За Джорджа и его удачу, которую он поймал за хвост тут, в «Единороге»! Жаль, народу сегодня мало, но ничего, завтра сюда все ринутся, чтобы хоть одним глазком взглянуть на место, где становятся миллионерами!

– Можно подержаться за ваш билет на счастье, сэр? – почтительно осведомился первый игрок.

– Но-но! – строго сказал Сэм. – Осторожнее! Не помни`те, не испачкайте и не порвите! Это государственный документ!

Я молча пододвинул желающим прикоснуться к чужой удаче билет. Бумажку, которая даже сейчас в моих глазах выглядела меньшим везением, чем вся моя жизнь до нее. Потому что в той жизни у меня была моя Дженни. И я, несомненно, променял бы все на свете, даже этот суливший мне дальнейшее безбедное и безоблачное существование клочок, на то, что у

меня было раньше. Потому что никакие лотереи мира со всеми их мгновенно приходящими к везунчикам богатствами не могли дать мне одного – вернуть жену. Ту Дженни, которую я любил. И которую потерял. Мир устроен так, что ничего нельзя вернуть обратно. Даже в новогоднюю ночь, когда истинно верующим в фортуны демонстрируют ее чудеса...

– Поджарю-ка я колбасок и посмотрю, что еще у меня есть. Джуди вроде оставляла на ночь и пирог с мясом, и бобы с беконом – чтобы там яичницу сделать, если будет полно народу. Но из-за этого проклятого протухшего «Зеленого кабана», подложившего мне самую настоящую свинью, это все никому не нужно!

– Благослови тебя небеса, Сэм! – с чувством произнес первый азартный игрок в лотерею. – И куда бы мы ушли в такую погоду? Жарь свои колбаски, да и от яичницы мы тоже бы не отказались!

– Джордж, ты будешь колбаски, яичницу или то и другое?

– Спасибо, Сэм, но я, наверное, пойду домой...

– На улице снег с дождем, дружище, и ледяной ветер с моря! Оставайся с нами, тем более что до Нового года осталось всего ничего! И потом, на темных улицах тебя запросто могут ограбить!

– У меня даже бумажника нет, а о том, что я только что выиграл, не знает ни одна живая душа, кроме вас троих. Да и я сам что-то не слишком в это верю...

– Ты сегодня определенно выиграл, Джорджи! – со значением в голосе важно произнес Сэм. – Определенно! Может, тебя все-таки проводить?

– Нет. Не надо. Вы празднуйте тут, друзья... а я все-таки пойду домой!

Я двинулся к выходу, а навстречу мне вдруг повалила целая толпа народу – наверное, это были те, кого больше не смущало объявление о том, что «Упитанный Единорог» сегодня не принимает. Так что толстому добряку Сэму стало уже не до меня. Он поспешил на кухню, к своему бекону и колбаскам, а я вышел на улицу, где действительно было холодно и неприятно. С моря дул пронзительный ветер, и милый белый снежок, который выпал было утром, уже весь иссекло ливнем.

На прощание я обернулся и взглянул на вывеску: она была приколочена крепко, и ветру, который к утру мог обернуться ураганом, как это часто бывает в наших краях, ее было не сорвать. Подсвеченный лампочками сказочный зверь приподнял одну ногу и галантно склонил голову, увенчанную золотым рогом, перед дамой... Принцессой, так похожей на мою жену. Мою прежнюю Дженни. Я вздохнул и медленно поплелся хорошо знакомой дорогой к дому, где меня больше никто не ждал.

Она сидела у калитки одного дома в начале нашей улицы и дрожала – крохотная черно-белая собачонка, размерами не дотягивавшая и до кошки. Дождь хлестал вовсю, и никчемное создание промокло до последней жалкой шерстинки. Живая изгородь, к которой она прижималась, мало чему помогала. Длинные уши свесились, с них стекала вода. Собачонка тихо скулила. Я вдруг подумал, что к утру она и скулить перестанет – просто замерзнет тут насмерть. Никто больше не пройдет по этой улице и не впустит беднягу погреться хотя бы в гараж. Все веселятся, или же разъехались на каникулы, или просто спят в своих теплых кроватях...

– Ты чья? – спросил я, наклоняясь к собаке.

Конечно же, она не ответила. Да и что она могла сказать мне, когда я и сам знал, что на нашей улице таких собак не водилось? Как-никак я жил тут уже двадцать три года!

Собачонку била такая крупная дрожь, что сердце мое буквально затопила жалость.

– Ну ничего, – проворчал я, осторожно протягивая к ней руку. Я плохо знал собак, но помнил, что они частенько кусаются. Однако эта животинка и не думала огрызаться. Она лишь подняла голову и взглянула мне в глаза. И тут меня словно молния пронзила: глаза у нее были совсем человеческие, и я мог бы поклясться, что собака плакала! Думаю, те, кто не видел этого своими глазами, сказали бы, что я просто перепутал со слезами капли дождя, которые залили

всю ее морду, но я мог бы поклясться чем угодно – эта жалкая собачонка плакала! Плакала в новогоднюю ночь! Она знала, что погибает и что никто ее не спасет! Что же случилось с этой крохотной тварью, как она потерялась? Или у кого-то поднялась рука выкинуть ее на улицу в такую погоду?!

– О господи! – только и вымолвил я. – Давай-ка я тебя заберу... Может, твой хозяин завтра и найдется?

Она была совсем крохой и не весила почти ничего, но вода лила с нее ручьями. Я обмотал ее шарфом и сунул за пазуху. Конечно же, и шарф, и рубашка тут же промокли, но я чувствовал, что она, эта собачонка, согревается. И еще – сердце у нее колотилось часто-часто, и это мне почему-то понравилось. Бормоча такие слова, которые еще вчера не пришли бы в голову, я одной рукой придерживал ее, а второй гладил прямо через шарф.

– Ну, ничего, ничего, – приговаривал я. – Сейчас у тебя будет и дом, и кусочек ветчины, я думаю, тоже найдется... Или тебя нужно кормить специальным кормом? Я мало в этом смысле, знаешь ли, но, думаю, вдвоем мы как-нибудь разберемся...

Дом был как-то по-особенному темен, и я не сразу сообразил, что не могу попасть ключом в замочную скважину, потому что не горят светильники ни перед гаражом, ни на крыльце... Должно быть, из-за все усиливающегося ветра где-то что-то перемкнуло и у нас в доме вылетели пробки.

Наконец замок щелкнул, и я, вернее мы с собакой, ввалились в спасительную теплоту дома.

– Сейчас посажу тебя на диван, – бормотал я, неуверенно двигаясь по направлению к гостиной, – там есть теплый плед, и ты посидишь немного, пока я отыщу фонарь и разберусь с этим чертовым электричеством...

Когда я толкнул дверь гостиной, свет вдруг вспыхнул. Из-за кромешной тьмы коридора он показался мне необычайно ярким. Я моргал глазами, словно потревоженная и вытщенная из темноты дупла сова, и поначалу даже не понял, что в комнате, кроме меня и собаки, есть еще кто-то! Мы стояли ошарашенные и изумленные и глазели на толпу, собравшуюся в гостиной. Первой опомнилась собачка. Она высвободила голову из моей куртки, высунулась наружу и грозно тьякнула.

– С Новым годом, Джерри! – сказала Дженни и засмеялась.

Кроме моей жены в гостиной собралась целая куча народу: наши соседи, Сэм с Джуди и те два парня, которые играли в лотерею, тут были тоже! И телевизионная дива в том самом искрящемся платье, и даже женщина, у которой сошлось пять цифр!

– Что... что все это значит? – слабым голосом спросил я, полагая, что попросту сошел с ума, а собака у меня за пазухой, чувствуя мое волнение, заворчала.

Она высунула свою маленькую, не больше чем кулачок ребенка, головку, а ее мокрая, слипшаяся шерсть норовила подняться дыбом. Эта кроха, несомненно, решила меня защищать! Она оскалила зубы, тьякнула и вдруг залилась самым настоящим лаем, грозно тараща глазенки и упершись лапками в мои руки!

– С наступающим! – еще раз повторила моя жена, а присутствующие стали аплодировать, кричать, смеяться, кидать в меня и собаку серпантин и хлопать хлопушками с конфетти и пробками бутылок. Часы стали отбивать двенадцать ударов. Наверное, этого мой организм уже не выдержал. Хорошо, что наш просторный диван был так близко. Потому что на него я и свалился. А потом...

Потом было утро – первый день нового года. За окном выл и бушевал ветер, в окна колотил дождь, а мы с Дженни лежали рядышком – точно так, как в былые времена. Только теперь с нами в постели была еще и собака, тот самый бело-черный шенок, которого я подобрал. Он все норовил втиснуться между мной и Дженни – ревновал он ее ко мне, что ли?

– Слушай, Джен, – спросил я, аккуратно снимая со своей груди уснувшего щенка, – что было бы, если б я не выдержал напряжения и умер?

Дженни засмеялась:

– У тебя просто прекрасное здоровье, Джордж! И отличная медицинская страховка! Только месяц назад ты проходил полное обследование! Доктор не нашел никаких отклонений. Хотя я еще раз специально к нему обращалась, потому что побаивалась за тебя, ну и, конечно, потому что мне задавали этот вопрос – выдержишь ли ты?... И я заверила, что выдержишь. Я была уверена в тебе, Джо, и ты не подвел! Мы оба не подвели, не так ли?

Мне еще немного стыдно за тот легкий обморок, что свалил меня вместе с собачкой на руках на диван, поэтому я немного ворчу:

– То, что я все-таки не выиграл в эту чертову лотерею, – это большое разочарование, Дженни! Ну просто огромное разочарование! Уж не знаю, выдержит ли мой организм его и не будет ли каких последствий в будущем? Вдруг я действительно начну играть в надежде урвать от жизни кусок послаще?

– Знаешь, мой дорогой, а ведь мы с тобой уже выиграли в самую большую лотерею, просто появившись на этот свет! – серьезно говорит моя жена, и глаза ее светятся. – Мы вытащили счастливый билет в тот момент, когда много лет назад некая яйцеклетка встретилась с неким сперматозоидом... одним из сотни тысяч, и в результате возникло новое человеческое существо!

– Да ведь сперматозоиды все одинаковые? – недоумеваю я. – Они несут один и тот же набор генов, как и в яйцеклетке, так ведь? Так что все равно, какой из них достиг цели, я так думаю...

– Тогда почему даже в одной семье братья и сестры иногда разнятся настолько, что их можно принять за совершенно чужих людей? Гены сцепляются каждый раз по-разному, и поэтому мы такие, какие есть... И мы – победители, Джо! Единственные и неповторимые в своем роде!

– Да уж... – Я целую жену. – Ты у меня действительно единственная и неповторимая! Потому что кому еще могла прийти в голову такая идея?!

– Мне было очень скучно жить в последние годы...

Эту фразу я уже слышал... Конечно, слышал – не далее как вчера утром! Но как все изменилось в нашей жизни всего за какие-то двадцать четыре часа! Я потерял и вновь обрел жену, почти выиграл пять миллионов фунтов, обрел уверенность в себе, узнал, сколько у меня друзей... и, кажется, это не Джен, а именно я обзавелся четвероногим лохматым другом! Который сейчас сопит рядом, тихо поскуливая и подергивая лапками...

– Джен, собакам снятся сны?

– По всей видимости, да. Наверное, это не слишком приятный сон... Знаешь, Джорджи, а ведь то, что ты его нашел, не было подстроено, правда! Он действительно или был выброшен какой-то злой душой, или потерялся... В сценарии, написанном мной, этой собаки не было, кланусь!

– Но с ним твой сценарий более совершенен, правда? И, поскольку он вполне удался, теперь банк даст тебе ссуду на твой смешной бизнес. «Разыграйте ваших близких и измените их и свою жизнь!» – с пафосом провозглашаю я. – Кстати, чтобы начать свое дело, ты могла бы воспользоваться и нашими сбережениями, Джен!

– Нет уж, – отвечает жена. – Заработанное тобой пускай остается на месте. Ох, жаль, что я не видела твоего лица, когда ты обнаружил, что все твои деньги исчезли!

– Это ты ловко подстроила! – ворчу я. – Как и все остальное...

– Проект так и назывался – «Лотерея», – мурлычет Дженни и трется щекой о мое плечо. – И он явно удался! Вначале банк отнесся к моему бизнес-плану скептически, но, когда вчера их представитель увидел все своими глазами, мне дали понять, что его полностью одобряют! Мне

дают кредит, Джо! И даже под минимальный процент, что точно уж новогоднее чудо! И теперь, учитывая мой диплом психолога и прочие, гм, таланты, я с полным правом буду устраивать такие... ммм... своеобразные тренинги для пар, отношения которых зашли в тупик. Чтобы они смогли взглянуть на свою жизнь по-новому и найти выход из ситуации. Именно потому я пропадала из дому, Джорджи... Мне нужно было и освежить знания, и пройти кое-какие курсы...

– И купить новые платье, пальто, шляпку и прочее?

– Разумеется! Как ты думаешь, что прежде всего делает женщина, взявшая ссуду на развитие бизнеса? Правильно – идет и покупает себе новое платье! Такое, о котором она мечтала, но считала, что не может его себе позволить... раньше не могла. Потому что платье не подходило к ее жизни.

– Надеюсь, теперь эти наряды прекрасно дополняют твою жизнь, Дженни! – серьезно говорю я. – И я рад, что ты придумала все это... И не только придумала, но и воплотила! О, видела бы ты лицо Сэма, когда он подумал, что я действительно выиграл эти деньги! Его от волнения чуть удар не хватил! А еще надо было лицезреть, как шевелились его усы, когда он обнаружил на своей двери объявление, что паб не будет работать в новогоднюю ночь!

– Я знала, что Сэм не сможет сыграть как надо, если будет все знать, и поэтому договорилась с Джуди! – хихикает моя хитроумная половина. – А уж она не сплеховала! И объявление пришила, и запустила запись в телевизоре в нужный момент! Жаль, конечно, что ты ничего не выиграл... – Дженни лукаво смотрит на меня, но я не даю ей больше сказать ни слова, обнимая жену изо всех сил.

– Дженни, – говорю я, – на самом деле я выиграл много... очень много! Я действительно вытянул один билет из ста тысяч, когда родился на свет, – но потом выиграл стократ больше, встретив тебя! Я не хочу даже думать, что было бы, если бы я в тот день не столкнулся с тобой на улице... Я просто не могу представить этого, Джен! Лотерея... – шепчу я, – это прекрасное название для твоего начинания! А я... я постараюсь помогать тебе, Дженни. Чем смогу. У меня, разумеется, нет таких талантов, но... я буду стремиться! И для начала я дам имя нашей собаке! Отныне я нарекаю ее Лотерея!

– О господи! – пугается Джен. – Что за дурацкое имя? Я думала, мы назовем эту милую крошку Мэгги, или Полли, или...

– Нет, – рычу я, – только Лотерея! И никак иначе! В конце концов, это моя собака, я ее нашел!

Джен как-то странно смотрит на меня, но затем неохотно соглашается:

– Ладно... как хочешь... Имя, конечно, странноватое... но пусть будет Лотерея!

– Дженни, – не выдерживаю и смеюсь я, – ну зачем же портить собачке будущее? Пусть будет Полли, Мэгги или даже Сахарная Косточка... Лотерея – ужасное имя, с ним она того и гляди начнет гадить по углам и преподносить нам другие не слишком приятные сюрпризы!

– Я надеюсь, сюрпризы будет преподносить нам не только она, – серьезно говорит моя жена. – Но и мы оба друг другу. Жизнь такая лотерея, Джо! И зачастую только от тебя зависит, получишь ли ты, чего желаешь больше всего на свете, или просто пройдешь мимо выигрышного билета! Так что будем жить, Джо! И будем выигрывать. В самую большую и самую запутанную лотерею на свете – в жизнь!

Светлана Талан

Тридцатое декабря

Первого декабря выпал снег. Природа словно заглянула в календарь, который изобрели когда-то себе люди, и решила следовать их правилам: сыпнуть на землю снега именно в первый день календарной зимы. Я шла аллеей парка и не могла налюбоваться чудом природы, когда снег падал большими белыми хлопьями, медленно и важно, словно вслушиваясь в неслышную людям мелодию. Крупные снежинки кружили в воздухе, вальсировали и приземлялись на заждавшуюся снега землю. Их было так много, что не было возможности рассмотреть каждую по отдельности, они не цеплялись друг за друга, каждая снежинка имела свое пространство в замершем воздухе, чтобы исполнить нежный танец перед тем, как прилечь на землю или зацепиться на толстой сонной ветке дерева. Все вокруг быстро становилось белым: деревья, кусты, поникшие головки осенних цветов, черневшие на клумбах, скамейки вдоль аллеи и дорожка под ногами. Самые нахальные снежинки цеплялись за ресницы, и мне приходилось периодически смахивать их варежкой, чтобы в полной мере насладиться белым чудом природы.

Раньше я зиму недолюбливала. Когда жила в интернате, то с началом зимы приходилось носить одну и ту же надоевшую курточку несколько лет подряд. Немного легче было с шапочками. Мы раздобывали старые списанные свитера, распускали нитки и из этой пряжи могли связать себе что-то новенькое. Зимой я полюбила год назад, когда встретила своего Костика. Это случилось тридцатого декабря прошлого года. В разгаре было время корпоративов, но у нас на швейной фабрике такое мероприятие организовывалось только для работников офиса и руководителей. А мы, простые работники, получили в подарок дешевые электрочайники – и все. Семейные недовольно ворчали, мол, предприятие небедное, могли бы купить подарки попривлекательнее. Мы же, выходцы интерната, будучи не избалованными подарками, радовались и этим электрочайникам.

В тот роковой день, вечером, я решила побродить по празднично украшенному городу, полюбоваться бегущими огоньками на елках и деревьях скверов. На улицах было полно народу, словно было не девять часов вечера, а день в самом его разгаре. Толпы повеселевших и подвыпивших людей возвращались с корпоративов, и я смотрела на них с некоторой завистью. Проходя мимо ресторанчика под названием «Счастливое место», я невольно засмотрелась в окна, где все веселились, танцевали, пили, ели и поздравляли друг друга с Новым годом. Почему-то до ужаса захотелось оказаться внутри этого здания, где царили веселье и предпраздничное настроение, но мне ничего не оставалось, как вздохнуть и идти дальше любоваться разноцветными бегущими огоньками и «плачущими» капельками огней на деревьях. У крыльца, возле ресторанной урны, стоял парень и курил.

– Девушка, можно вас на минутку? – обратился он ко мне, когда я проходила мимо.

Я остановилась, и мы познакомились и разговорились. Костя не скрывал, что поссорился со своей девушкой и она не пришла на их вечеринку. Когда Костя сказал, что у него остался лишний пригласительный, я не сразу поняла, что это было приглашение провести вечер вместе в этом ресторане. Когда до меня дошло, то я сразу же согласилась. В принцев на белом коне я никогда не верила. Наверное, так сложилось, потому что я воспитывалась в детском доме, где мы все верили в сказки и чудо только в раннем возрасте, тогда, когда хотелось, чтобы оно свершилось и в один прекрасный день нас забрали домой любящие родители. На дальнейшее продолжение истории нашего знакомства я не рассчитывала, тем не менее, не знаю почему, меня не испугало то, что мы едва знакомы и должны провести вечер вместе.

Наш столик на двоих стоял в укромном местечке в конце зала, у окна. Наверное, Костик рассчитывал, что ему со своей девушкой будет там уютно, но вышло так, что ее место заняла

в тот вечер я, – и не пожалела. С того дня мы с Костиком вместе. Он на пять лет старше меня, работает в общем отделе исполкома, живет со своими родителями. Я должна была получить отдельное жилье, но уже прошло два года, как я окончила учебу и начала работать, а своего угла до сих пор не имею. Моя подруга по интернату, Карина, уже полгода живет в отдельной однокомнатной квартире и вполне довольна. Еще одна подруга, Леся, недавно перебралась в общежитие семейного типа, где у нее своя отдельная комната с кухонькой и даже туалет и душевая. Только я из нас троих оказалась самой «счастливой» – до сих пор живу в комнатухе общежития фабрики, где туалет на десять комнат и одна плита на всех в конце коридора. Я уже устала оббивать пороги учреждений, прося дать мне то, что положено, и в конце концов отдала все собранные документы Костику в надежде, что ему удастся сдвинуть дело с мертвой точки, но прошло уже два месяца, и ничего не изменилось.

– Иногда нужно просто отпустить ситуацию, чтобы все решилось, – сказал мне Костик.

Вот я и отпустила, а она не решается...

Тропинка под ногами закончилась, и я вышла из парка. Костя научил меня любить зиму, видеть ее красоту, и я была ему благодарна за это, но сейчас хватит любоваться красотой природы – пора домой. Была суббота, и ближайшие два выходных дня должны быть прекрасными! В предвкушении встречи с любимым я быстро поднялась на третий этаж, зашла в свою комнатуху, с порога критическим взором окинула свое гнездышко. Кажется, все в порядке, чисто, вылизано до последней пылинки, в холодильнике жаркое и салат из капусты, приготовленные мною еще утром. Но почему так долго не звонит Костик?

Просмотрев очередную серию затянувшегося на полгода сериала, я взглянула на часы. Было семь часов вечера. Моя рука сама потянулась за мобильником, нашла в списке «любимый» и нажала вызов. Трубку долго не брали, и я уже начала нервничать, когда услышала долгожданый голос.

– Привет, солнышко! – нежно произнес Костик, и у меня от его голоса приятно зашумело в голове. – Извини, Владуся, что не звонил, совсем замотался. Понимаешь, конец года, пришлось выходить на работу и в субботу. Но я исправлюсь! Обещаю!

– Когда ты придешь? Я уже заждалась.

– Чуть позже заскочу. Что тебе купить?

– Мне ничего не надо. Приходи скорее, – ответила я. – Так хочется увидеть тебя!

В который раз я подошла к старому плательному шкафу, открыла его, чтобы осмотреть себя в зеркале с головы до ног, и осталась довольна.

Костик пришел через час.

– Как долго тебя не было! – кинулась я ему навстречу. – Почему так поздно?

– Влада, я же тебе говорил, что дел по самую макушку! – сказал он и поцелует закрыл мне рот, чтобы не задавала один и тот же вопрос по многу раз.

Мы забыли об ужине и долго и страстно занимались любовью. Мое тело от прикосновений его рук становилось мягким и податливым, как воск в тепле. Наши губы не уставали сливаться в поцелуях, руки ласкали разгоряченные тела, и мир вокруг переставал существовать для нас, когда мы были вместе. Когда мы оторвались друг от друга, усталые, но счастливые, несколько минут лежали просто так, тихо и молча, словно отдыхая после тяжелой рабочей смены.

– Пить хочешь? – первым нарушил молчание Костик.

Я облизала совсем сухие губы и выдавила из себя:

– Да.

Он ведь знал, что у меня после такого безумного секса так пересыхает во рту, что невозможно пошевелить языком, но все равно каждый раз спрашивает, и мне приятно. Костик обмотался простыней и принес мне газировки. Я жадно прильнула к горлышку пластиковой бутылки и долго не могла остановиться.

– Это тебе, – протянула ему воду.

– Спасибо, что вспомнила обо мне, – улыбнулся Костя. – Умирающий в пустыне путник получил два глотка спасительной жидкости, – сказал он, допив газировку.

– Будем ужинать?

– Хотелось бы.

Я разогрела жаркое в микроволновке, подаренной Костиком, накрыла на стол. Он ел с таким аппетитом, что я догадалась – он не обедал.

– Ты не обедал? – спросила я.

– Заметно? Да? И даже не завтракал, выпил кофе и все. Работы просто завал! – сказал он, отправляя очередной кусочек мяса в рот.

– Ничего, я тебя завтра закормлю. Что мне для тебя приготовить? Хочешь шарлотку с яблоками?

– Видишь ли, Влада, я завтра утром должен уйти, – виновато произнес Костик.

– Куда?! Снова на работу?!

– Думаю, что дома поработаю, – ответил он, не поднимая глаз.

И тут я увидела на его руке голубое пятнышко.

– Что это у тебя?

– Это? – Он посмотрел на руку, царапнул ногтем пятно. – Это... Это мама попросила отнести в гараж банку с краской... Испачкался!

Я видела, как он смутился, как спрятал руку под стол и мгновенно сочинил эту ложь. Вот только зачем? Мне не хотелось устраивать допрос, и я сделала вид, что поверила ему. Утром он подхватился рано. Мы выпили чаю, и в семь часов Костик убежал.

Мы не встречались с ним целую неделю, и это было впервые. Обычно Костик среди недели находил время и забегал ко мне, бывало, что и оставался на ночь, а теперь были только звонки, да и те один раз на день. Я гнала от себя мысли о том, что он меня разлюбил, старалась больше бывать на работе, ожидая следующих выходных. Но все повторилось: он пришел в субботу, переночевал и убежал.

– Для того чтобы мы смогли побыть вместе два дня, я поменялась сменами, – как бы невзначай сказала я ему, провожая.

– Владочка, солнышко, потерпи немножко, – ответил он, взяв меня за подбородок. – Еще немножко!

Костик посмотрел мне прямо в глаза, и я поняла, что он не врет. Так я думала, когда он был рядом. Когда снова пошли дни без него, я уже не знала, верить ему или нет. Одиночество начало гнобить меня и вводить в состояние депрессии. Нужно было что-то делать, ведь спасение утопающих – дело рук самих утопающих. И тогда я побрела к Карине, зная, что у нее выходной день. Напрасно я звонила в дверь и даже стучала в нее кулаком – подруги дома не было. Можно было предположить, что Карина закрутила с каким-то парнем любовь после разлуки с предыдущим, но она обычно мне первой сообщала такую новость. Выйдя из подъезда, я набрала ее номер, но подруга не брала трубку.

– Прикол! – сказала я вслух, и проходящий мимо мужчина обернулся. – Извините, это я не вам! – поспешила я спасти ситуацию.

Мне нужно было с кем-то пообщаться. Срочно! Я позвонила Лесе, и та сказала, что ждет меня. Чтобы подсластить горькое настроение, по пути я купила пару заварных пирожных.

– Ты что такая кислая? – с порога спросила Леся.

– Чай готовь, я все расскажу, – ответила я, снимая курточку.

Мы пили чай, и я жаловалась на свою жизнь.

– Понимаешь, Леся, когда Костик рядом, мне кажется, что он меня любит и у нас все замечательно, – изливала я душу. – Но потом он исчезает, и меня начинают терзать сомнения.

– Почему?! У вас ведь все было хорошо!

– Вот именно, что было! А последнее время я его редко вижу. Даже звонит в лучшем случае один раз в сутки, да и то вечером. Такого раньше никогда не было! Мне казалось, что мы созданы друг для друга, дышим вместе, думаем одинаково...

– У тебя часто звучит слово «кажется», – заметила Леся. – Кажется – это еще не показатель. Чего нет – сама додумываешь? Влада, не сочиняй и посмотри реально на вещи. Он тебя бросил? Нет. Стал с тобой холодным? Тоже нет. Реже звонит? Так Костик тебе объяснил причину – конец года, много работы. Ты должна понимать, что кроме тебя в его жизни есть работа и родители. Будь снисходительнее к нему и не усложняй себе жизнь, – со знанием дела посоветовала Леся, хотя у самой не было парня.

– Ты так думаешь? – поразмыслив, спросила я и отправила в рот последний кусочек пирожного.

– Уверена!

Разговор с Лесей немного успокоил меня.

– Мне кажется, что Костик тридцатого декабря сделает мне предложение! – сказала я. – Вот чувствую, что это будет именно в годовщину нашего знакомства и в том же ресторанчике!

– Эх, Влада! – вздохнула подруга. – Полчаса назад пришла вся в слезах и соплях, а сейчас ты мне больше нравишься.

– Спасибо тебе!

– Да не за что! Ты мне скажи, подарок своему Костику приготовила?

– Ты имеешь в виду свитер, который я ему вяжу? – спросила я, вспомнив, что из-за своих внутренних терзаний совершенно о нем забыла и теперь он валяется в шкафу с одним рукавом. – Надо срочно довязать!

– Правильно! Вязание успокаивает нервы, – подвела итог нашей беседы Леся, и вскоре я поспешила домой.

За два дня я довязала свитер, потом три дня была на работе, а на выходной мы снова встретились с Костиком, и все мои сомнения развеялись, как утренний туман от солнечных лучей. Он был рядом! Я наслаждалась присутствием любимого, вдыхала запах его тела, волос, кончиками пальцев касалась шеи, лица, губы не уставала одаривать его поцелуями. Какое это счастье – быть рядом с любимым человеком! Я вслушивалась в тембр его голоса, и мне было не важно, что он говорит. Пусть даже шутит, говорит серьезно или несет какую-то чушь – мне было приятно слышать его голос вживую, а не по телефону. И снова была ночь безумной и страстной любви. Все было как раньше, но Костик утром заявил, что ему нужно срочно идти.

– Но почему?! – взвыла я. – У тебя выходной, у меня – тоже.

– Зайчонок, надо, – сказал он, чмокнув меня в кончик носа. – Надо немножко потерпеть.

Я не стала уточнять, сколько это его «немножко» будет продолжаться, и он ушел, а я просто завалилась в постель, закуталась в одеяло и стала гнать от себя дурные мысли. Если честно, то мне это удавалось с трудом. Что-то шло не так – я это чувствовала нутром. Попыталась заснуть, но сон не шел. И тут я вспомнила, что Карина мне так и не перезвонила. Рукой нащупала на столике мобильник, набрала номер подруги.

– Привет! – услышала я в трубке знакомый голос. – Ты мне звонила, а я замоталась и забыла тебе перезвонить. Прости подлую!

– Чем это ты так занята, что нет времени для короткого звонка? – поинтересовалась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.